

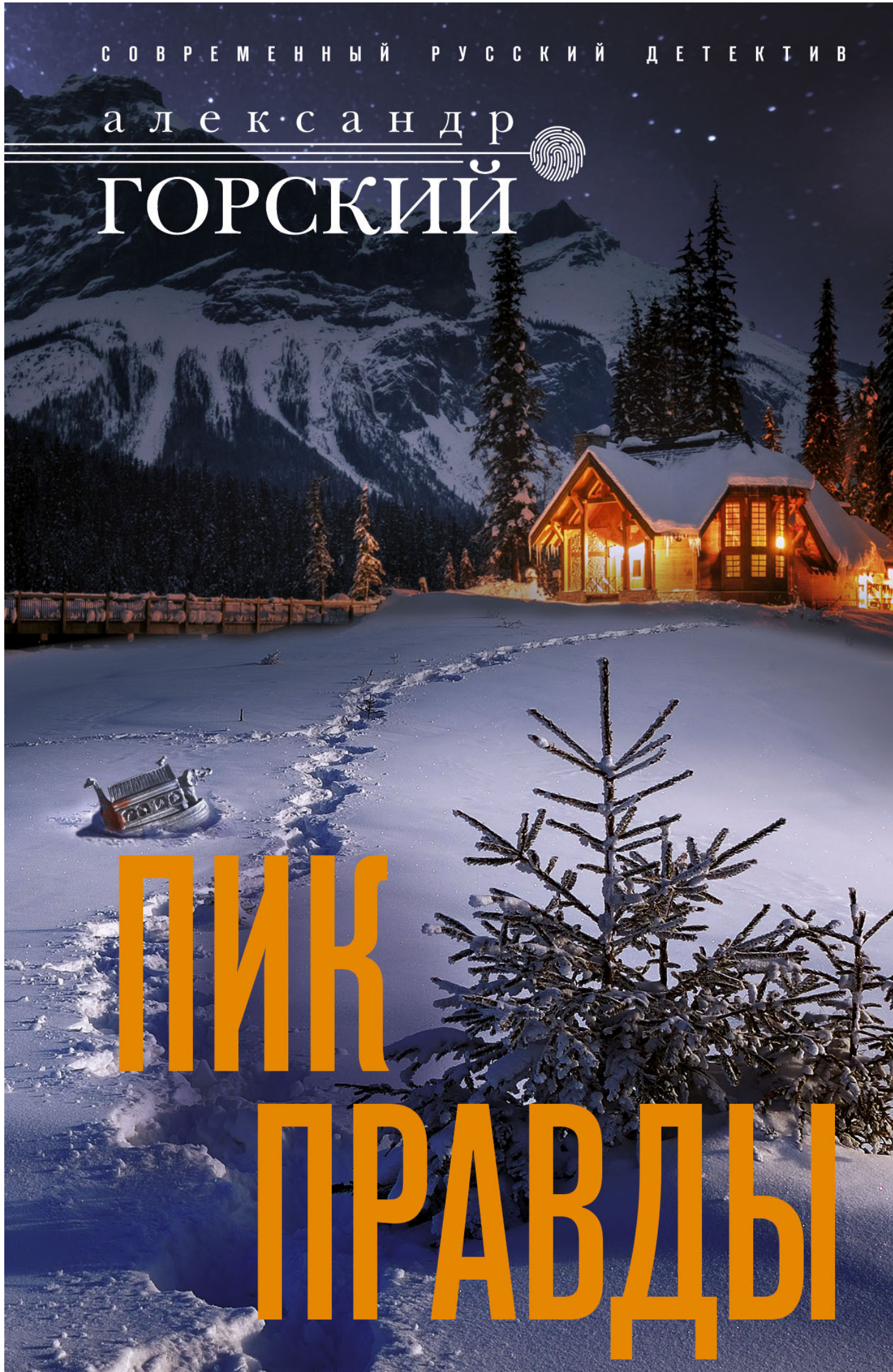
С О В Р Е М Е Н Н Ы Й   Р У С С К И Й   Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

ГОРСКИЙ

ПИК ПРАВДЫ

Современный русский детектив

Александр Горский

Пик правды

«Центрполиграф»

2022

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Пик правды / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2022 — (Современный русский детектив)

ISBN 978-5-227-09805-4

Трудно найти человека, знающего больше чужих тайн, чем адвокат с большой практикой, особенно если он имеет связи с властью и имущими. Но однажды в уединенном курортном отеле, где собрались сильные мира областного масштаба, адвокату Зарецкому предлагают умереть или рассказать все, о чем он молчал долгие годы, поскольку молчание было выгодно многим, включая его самого. Запертые в своих номерах действующие лица адвокатских тайн вынуждены слушать по внутренней радиосвязи правду о своих грязных делах. Одна из участниц драмы записывает откровения адвоката на свой смартфон. Утром любовница Зарецкого находит его убитым. На место преступления прибывают следователи Илья Лунин и полковник Изотов...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09805-4

© Горский А. В., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	19
Глава 3,	29
Глава 4,	35
Глава 5,	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Горский

Пик правды

© А.В. Горский, 2022

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Глава 1, в которой мужчины понимают, что утро 8 марта не всегда означает наступление праздника

Пробуждение было липким и вязким. Хотя, быть может, липким и вязким было сонное состояние, никак не желавшее покидать Зарецкого. Сам он точно не мог этого определить, поскольку головная боль, извечная утренняя спутница хорошо проведенного вечера, лишала Олега Владиславовича всякой способности к логическому мышлению. «Если открыть глаза, наверняка станет легче». Сама по себе мысль никакого научного обоснования не имела, но поскольку других мыслей в голове Зарецкого в настоящий момент не наблюдалось, он сосредоточился на выполнении поставленной перед собой задачи, с которой вскоре весьма успешно справился.

Легче не стало. Несколько мгновений сидящий в кресле мужчина рассматривал собственное отражение в зеркале, занимавшем значительную часть противоположной стены. Сперва на лице Зарецкого отразилось легкое недоумение, которое тут же перескочило в свою максимально возможную степень, смешанную с возмущением и брезгливостью.

Липкость и вязкость. Еще бы! Трудно испытывать что-то иное, когда ты весь с головы до ног обмотан широким блестящим скотчем. «Скотч с вечера, скотч с утра. Дабл-скотч! Хотя, вечерний явно был лучше!» – как ни странно, способность, вернее, свою постоянную привычку иронизировать над всеми, в том числе, и над собой, Олег Владиславович не утратил. Во всяком случае, до тех пор, пока не попытался, рванувшись изо всех сил, освободиться от обвивающей его клейкой ленты. Попытка оказалась безуспешной. Более того, выяснилось, что Зарецкий не просто затянут в блестящий кокон, он накрепко привязан к самому креслу и не может не то что освободить руку или ногу, но даже попытаться встать.

– Доброе утро, Олег Владиславович, – странный, бездушный голос из установленного на прикроватной тумбе динамика отвлек Зарецкого от яростных попыток вырваться из липких объятий. – Хотя, не могу с вами не согласиться. Вряд ли человек будет считать добрым утро, которое может оказаться для него последним. Что? Вы этого не говорили? Ну так скажите нам хоть что-нибудь, Олег Владиславович. Вы ведь всегда славились умением высказаться на любую тему.

– Вам – это кому? – стараясь не потерять остатки хладнокровия, хрипло отозвался Зарецкий.

– Кому? – Казалось, что холодное равнодушие на секунду вдруг сменилось удивлением. – Всем, Олег Владиславович. Всем присутствующим в этом замечательном здании. Вы же, надеюсь, помните о тех прекрасных устройствах конференц-связи, которыми оборудованы номера? Да, о присутствующих... Уважаемые дамы и в особенности господа! Не надо пытаться выломать двери, поверьте, вам это не по силам. Что касается окон, думаю, с ними и так все ясно. Итак, вернемся к конференц-связи. Надеюсь, она у всех функционирует исправно, и вы можете отлично слышать нашего дорогого Олега Владиславовича. К сожалению, пока вы слышите только меня, поскольку господин Зарецкий в основном молчит. Но уверяю вас, это недолго, скоро ситуация кардинально изменится.

В динамике послышалось странное потрескивание. Лишь спустя несколько секунд Зарецкий понял, что это смех, и вновь рванул из всех сил, пытаясь освободиться.

– Так вот, хотя функциональные возможности господина Зарецкого в настоящий момент некоторым образом ограничены, он вполне в состоянии общаться со всеми. Кнопка, позволяющая поддерживать разговор, на его переговорном устройстве зафиксирована, так что он может говорить что угодно и сколько угодно.

– Помогите! – неожиданно для себя самого выкрикнул Зарецкий.

– Помогите! – эхом отозвалось в динамике, а затем из него вновь послышалось характерное потрескивание. – Очень смешно, Олег Владиславович. Ей-богу, вы меня позабавили. Хотя, сказать по правде, для адвоката с такой квалификацией вы могли бы быть более красноречивы. Нет, господин Зарецкий, помочь себе можете только вы сами. Я так понимаю, на таймер вы до сих пор внимания не обратили?

– Какой, к черту, таймер? – визгливо выкрикнул Зарецкий. – Что вы вообще от меня хотите?

– Отвечу. Отвечу на оба ваших вопроса, Олег Владиславович, причем в той самой последовательности, в какой вы их задали. Итак, таймер. Посмотрите получше в зеркало, и вы увидите у себя на груди нечто серенькое и пластиковое. С экранчиком. Это и есть таймер. Он пока выключен, но я сейчас, буквально через минуту, сделаю так, что время пойдет. Ваше время, Олег Владиславович. Времени этого будет довольно много. Целых три часа. Но если к тому времени, когда оно кончится, я не услышу от вас того, что мне нужно. Я не знаю, видно ли вам в зеркале, но к таймеру подсоединены проводочки, которые тянутся вниз, под кресло. Скорее всего, вы ничего толком разглядеть не можете, так как они спрятаны под скотчем, но я думаю, вам лучше поверить мне на слово. Проводочки эти, как вы уже слышали, идут вниз, а там внизу, прямо под сиденьем вашего кресла, находится не очень большое и не очень мощное взрывное устройство. Что? Вам не очень хочется верить мне на слово? Я тогда вкратце опишу примитивную конструкцию. В магазине пиротехники покупается самая обыкновенная коробка с фейерверком. Если вы не знаете, в этой коробке куча трубок, из которых, собственно, один за другим фейерверки и вылетают. Если аккуратно в каждую трубку сверху положить гвозди или нарезанную проволоку, то получится... Впрочем, сейчас нельзя сказать точно, что именно получится, но через три часа такая возможность у нас всех появится. Конечно, Олег Владиславович, вы узнаете все первым! У вас лучшее место в зрительном зале. Так сказать, с возможностью интерактива. Вы рады, господин Зарецкий?

Зарецкий рад не был. По лицу его текли крупные капли пота, а тело сотрясала почти непрерывная дрожь, которая постепенно становилась все сильнее. Мысль о том, что все происходящее – это лишь глупая шутка, неудачное продолжение вчерашнего веселья, исчезла почти в тот же момент, как и появилась. И причиной тому был не липкий скотч, не странная серая, закрепленная на груди коробочка, напоминавшая уже давно вышедшие из употребления пейджеры и даже не монотонно звучащий равнодушный голос. Поверить в то, что он на самом деле находится в смертельной опасности, заставили другие голоса, которые то и дело вырывались из динамика устройства конференц-связи. Взволнованные, раздраженные, полные злости, страха и удивления.

– Что за ерунда здесь творится?

– Кто-то смог выйти? Тогда выпустите всех остальных.

– Я ведь узнаю, кто все это придумал! Этот человек сильно пожалеет!

– Олег! Олег, это что, розыгрыш? Это ты сам все придумал? Олег!

– Я не могу больше сидеть взаперти. Откройте дверь! Откройте ее немедленно!

Получается, все остальные действительно заперты в своих номерах, и на помощь ему никто прийти не сможет. А это значит, что он останется один на один с бездушной имитацией человеческого голоса и с тем человеком, который скрыт за этой имитацией.

– Я хочу знать, что вам от меня нужно. – Собрав силу воли в кулак, Зарецкий старался произносить слова максимально отчетливо, но все же дрожащий голос выдавал его невероятное напряжение.

– Да-да, понимаю, – донеслось из динамика. – С таймером мы разобрались, так что переходим ко второму вопросу. Что от вас нужно? Правда. От вас нужна правда. Я понимаю, Олег Владиславович, вам по роду вашей профессиональной деятельности с этим понятием сталки-

ваться почти не приходилось, и все же. За отведенные вам три часа вы должны рассказать всю правду, которую знаете.

– Господи, – с отчаянием простонал адвокат, – какую еще правду?

– Хороший уточняющий вопрос. Правильный! Вся правда мира никого не интересует. Хочется узнать ту правду, которую вы, дорогой Олег Владиславович, от всех старательно скрываете. Сегодня вы расскажете все, о чем никогда и рта раскрыть не смели. Все то, что вы надеялись скрывать до самой смерти. Добавлю, чтобы стало еще понятнее. Вы расскажете не только свои собственные секреты, но и все то, что вы знаете обо всех находящихся здесь людях. Я думаю, им тоже есть что скрывать, ну а вы ведь всегда оказываетесь в числе посвященных. Да, если не ошибаюсь, на нашем празднике жизни должен был присутствовать еще один человек.

Адвокат замер. Неужели вся эта затея именно ради этого? Но ведь есть вещи, которые нельзя произносить вслух. Никогда! Никому!

– Думаю, вы меня поняли. Речь идет о господине Сергеевиче. Нашем замечательном и всеми любимом губернаторе. Хотя он в последний момент и не смог примкнуть к собравшемуся здесь изысканному обществу, будет несправедливо, если вы, Олег Владиславович, умолчите об известных вам секретах столь примечательной личности. Вам все понятно, Зарецкий?

– Это безумие, – беспомощно прошептал Зарецкий. – Это какое-то безумие.

Пот, обильно покрывавший лицо несчастного адвоката, стекал по лбу, попадая в глаза, отчего Олег Владиславович, не переставая, моргал. Он даже предпринял попытку дотянуться лбом до плеча, чтобы вытереть влагу с лица, но безрезультатно.

– Ну почему же безумие? – обиделся голос. – Мне кажется, все по уму сделано. Вам созданы отличные условия для выступления, собрана целевая аудитория. И к тому же продуман вопрос стимулирования. Я ведь понимаю, адвокаты, в особенности столь высокооплачиваемые, бесплатно ни перед кем выступать не будут. Так вот, по поводу вашего гонорара. Если вы за отведенное вам время скажете ту правду, которую я надеюсь от вас услышать, таймер будет остановлен, и взрывное устройство не сработает. Как только ваши благодарные слушатели получат возможность покинуть свои апартаменты, они непременно вас освободят. Конечно, есть вероятность, что после ваших откровений у них возникнут некоторые уточняющие вопросы. Но согласитесь, это в любом случае лучше, чем взлететь на воздух. Ну что, Олег Владиславович, начнем?

Зарецкий вдруг почувствовал, что задыхается. Он жадно втягивал ртом воздух в пересохшее горло, но с каждым вздохом ощущение удушья только усиливалось.

– Вы можете молчать, сопеть и пыхтеть сколько душе угодно. Чтобы вам было комфортнее заниматься всей этой ерундой, обращаю ваше внимание, что таймер только что заработал. Конечно, обратный отсчет выглядел бы эффектнее, но ничего, будем довольствоваться тем, что имеется. У вас в запасе сто восемьдесят минут, Зарецкий. Сто восемьдесят! Это последнее, что покажет вам таймер перед взрывом, если только вы не расскажете то, что должны. Не тяните время, Олег Владиславович. Сто восемьдесят минут – это не так много, можно случайно не успеть сказать самое главное. Ой... Уже сто семьдесят девять! Начинайте же говорить, Зарецкий. Начинайте!

Несколько капель пота скатились по щеке и повисли прямо на верхней губе. Зарецкий слизнул их языком и поморщился. Влага была соленой, и пить захотелось еще сильнее. На несколько мгновений он зажмурился, пытаясь собраться с мыслями и найти выход из казавшейся совершенно безвыходной ситуации. Когда Олег Владиславович открыл глаза, любой находящийся рядом человек сразу бы понял – решение найдено. Но в комнате никого не было. Зарецкий был совершенно один, если, конечно, не брать в расчет маленькую пластиковую коробочку, на электронном циферблате которой мигающая цифра один вдруг исчезла, а вместо нее появилась другая цифра, точно так же мигающая, но уже двойка.

– Я скажу, – кивнул своему связанному отражению в зеркале Зарецкий. – Я скажу все, что знаю.

Восьмое марта – напряженная дата для многих мужчин. Как полагал Илья Лунин, этот день можно сравнить с зеркалом. С большим, в полный рост зеркалом, стоя перед которым непременно хочется казаться красивее и лучше, чем ты есть на самом деле. А посему надо выпрямить плечи, втянуть живот, выставить вперед нижнюю челюсть, чтобы уже успевший вполне отчетливо проявиться второй подбородок на время исчез, и замереть. Вся разница между зеркалом и женским праздником заключается в том, что от первого можно отойти и расслабиться спустя тридцать секунд напряженного позирования, во втором же случае выдохнуть можно будет лишь на следующее утро.

Но в этом году так получилось, что напрягаться восьмого марта Илье было не перед кем и незачем. Нет, слава богу, мама его, Ольга Васильевна, была жива, вполне здорова и с нетерпением ждала сына на ужин. Но этот запланированный на шесть часов вечера визит особого напряжения от Ильи не требовал. Маму не надо было обольщать, увлекать и завоевывать. Она и так любила своего единственного сына всем сердцем, готовая принять его и накормить собственноручно приготовленным праздничным ужином даже в том случае, если вдруг по причине своей вечной забывчивости и рассеянности Илья забудет купить по дороге цветы или явится без подарка. Такова особенность материнской любви. В своей беззаветности и бескорыстности она не может сравниться ни с одной другой любовью в мире. В этом Илья был убежден со времен его не так давно (около года назад) расторгнутого брака со своей первой и на текущий момент единственной женой Юленькой. Но злоупотреблять данным обстоятельством Лунин, конечно же, не собирался. Подарок был заблаговременно приобретен еще два дня назад, и теперь упакованная в блестящую обертку и перетянутая розовой лентой коробка занимала добрую половину кухонного стола в квартире Лунина. Огромный букет Илья купил ранним утром, в ближайшем круглосуточном цветочном павильоне во время прогулки с Рокси. Оставлять это щепетильное дело на вторую половину дня, когда все хорошие цветы будут разобраны, представлялось совершенно неразумным.

К вечернему визиту Илья был готов, если не полностью, то, как минимум, на две трети. Оставалось лишь только побриться и натянуть на себя что-нибудь приличное взамен потертых домашних джинсов и футболки с растянутым воротом. Впрочем, спешить было некуда. Стрелки часов показывали всего лишь четверть десятого. То время, когда многие женщины еще спят, пользуясь предоставленной им раз в году возможностью не думать о приготовлении завтрака, ну а некоторые как раз просыпаются, почувствовав тянущиеся с кухни ароматы весенних цветов, свежесваренного кофе и только что открытого шампанского. Лунин и сам был не прочь принять участие в традиционной праздничной утренней суе, но, к его глубокому разочарованию, подобной возможности он был буквально накануне лишен. Причем, как полагал Илья, исключительно по причине своей собственной глупости и косноязычия. Ну а как еще можно объяснить то, что вчера вечером, седьмого числа, в предпраздничный день, он ухитрился поссориться с Иришей?

Казалось бы, ссору ничто не предвещало. Во всяком случае, так казалось самому Лунину, когда он подъезжал на такси к Иришину дому. У них был запланирован очередной совместный поход в кино, уже десятый или двенадцатый по счету, точно Илья сказать уже бы не смог. Подобным образом они проводили почти все выходные. Сперва шли в кино, изредка кинематограф уступал место театру. Затем вечер продолжался по одной из двух, уже ставших привычными, схем. Либо они проводили пару часов в каком-нибудь небольшом, уютном ресторанчике, после чего ехали к Ирине домой, либо же покупали вино, готовую пищу и сразу отправлялись в небольшую квартиру Шестаковой, где Лунин чувствовал себя уже как дома.

В тот вечер отлаженный механизм неожиданно дал сбой. Нет, поход в кино состоялся, вот только с того самого момента, как Ирина вышла из подъезда, она была на удивление задумчива и немногословна, а уже в самом зрительном зале, незадолго до начала фильма, холодно произнесла:

– А ты хорошо целуешься, Лунин. Страстно.

– Мм... наверное, – несколько растерялся Илья, но, не уловив в словах спутницы никакого подвоха, все же согласился: – Это лишь одно из многих моих достоинств.

– Это не комплимент, – вспыхнула вдруг Шестакова. – Это наблюдение.

Почти два часа они просидели молча, уставившись в гигантский экран, на котором немолодая пара, уставшая от тягот семейной жизни, изо всех сил пыталась помешать самим себе, двадцатилетним, заключить брачный союз. О чем в это время думала его спутница, Илья не знал. Сам же он посвятил предоставленную ему двухчасовую паузу в разговоре обдумыванию последней произнесенной Ириной фразы. Смысл ее стал ясен Лунину почти сразу.

Пятого марта, в пятницу, вся мужская половина областного следственного комитета поздравляла половину женскую с приближающимся праздником. Возглавлял процедуру поздравления руководитель управления генерал-майор Хованский. В тот день Дмитрий Романович с самого утра был необыкновенно весел, а к пяти вечера, то есть к самому началу празднования, порадовал подчиненных несколькими неизвестно где добытыми коробками крымского шампанского. Как известно, хорошее настроение руководителя быстро передается подчиненным, особенно если эта передача происходит посредством пузырьков углекислого газа, поднимающихся со дна заполненных шампанским пластиковых стаканчиков. Все коробки были успешно опустошены дружным коллективом, после чего ухитрившийся сохранить остатки здравомыслия Хованский вынес вердикт.

– А нормально мы с вами посидели, ребятаки. Значит, так. – Генерал предпринял не очень успешную попытку придать своему лицу выражение демонстративной суровости. – Чтоб за руль выпимши никто не садился. Не будем, так сказать, портить праздник. Я сейчас машины организую, всех развезут.

– Всех, Дмитрий Романович, или только тех, кто за рулем? – уточнил чей-то женский голос.

– Всех, – воинственно махнул рукой Хованский. – Так что давайте группируйтесь в кучки, кто в каком районе живет. Будем в порядке кучкования грузить вас в транспортные средства.

Транспортное средство, в которое в итоге попал Лунин, явно оказалось перегружено. И дело было не только в том, что на переднем сиденье рядом с водителем восседала величественная Анастасия Павловна Короткова, почти не уступавшая габаритами самому Лунину, но и в том, что, вопреки возражениям водителя, на заднем диване служебной «камри» разместились сразу четыре человека. Хотя, если быть точнее, на сиденье расположились всего трое: сам Илья и еще две женщины-следователя. Третья дама, ввиду нехватки места, благополучно устроилась у Лунина на коленях. Всем им надо было ехать в одном и том же направлении, только первые две женщины должны были выйти раньше Ильи, а две оставшиеся позже.

Не успела просевшая от перегруза «камри» отползти от здания следственного управления, как в кармане брюк Ильи завибрировал переведенный на беззвучный режим смартфон.

– Илья! – Сидящая у него на коленях девушка шутливо погрозила Лунину пальчиком. – Подо мной что-то шевелится.

– Это телефон, – моментально покраснел Лунин, вспомнив о невыполненном им обещании позвонить Ирише в конце рабочего дня.

– И что, сейчас ты его будешь из-под меня извлекать? – Тон подвыпившей красавицы явно свидетельствовал о том, что она не возражает против подобного развития событий.

– Пусть уж вибрирует, – смущенно вздохнул Лунин.

– Пусть! – тряхнула головой девица и ткнулась губами Илье в лоб.

Когда полчаса спустя машина остановилась, Лунин торопливо распахнул заднюю дверь. После того как на тротуар выпорхнула первая из девушек, наружу пришлось выбраться и Илье, чтобы дать возможность выйти из машины еще одной сослуживице.

– Ну что же, дамы, – проявил галантность Илье, – еще раз поздравляю вас с наступающим праздником.

– Спасибо, Илюшенька!

Одна из девушек неожиданно чмокнула Лунина прямо в губы. Не успел он опомниться, как ее примеру последовала другая, та самая, что всю дорогу ерзала у него на коленях. Второй поцелуй длился не в пример дольше. Илье даже успел подумать, что слишком долго, но сделать ничего не мог: женские руки крепко обхватили его за шею.

– Лунин, ты какой-то скованный, – хихикнула, наконец отпуская добычу, красавица.

– Надо чаще тренироваться, – подхватила вторая, и, взявшись за руки, обе представительницы женской половины следственного комитета зашагали прочь, наполняя округу звонким залившимся смехом.

Водитель «камри» нетерпеливо посигналил, и покрасневший как рак Илье поспешил вернуться обратно в салон автомобиля...

Уставившись в экран, на котором молодая пара пыталась доказать себе самим, но уже постаревшим на четверть века, что их союз не так плох, как кажется на первый взгляд, Лунин тихо вздохнул. Ну конечно, в пятницу днем Ирина звонила ему и говорила, что вечером, если он освободится не слишком поздно, они могли бы встретиться. Илье, зная о предстоящем предпраздничном торжестве, обещал обязательно позвонить, как только у него что-нибудь прояснится. И не позвонил. Потому что забыл. И не ответил на звонок. Так как ему было неудобно доставать телефон из-под сидящей на нем девицы. И. Что? Поцеловал двух едва держащихся на ногах красоток. Вернее, позволил им поцеловать себя. Что тут такого? Обычные дружеские поцелуи. Пусть даже и в губы. Пусть даже один из них и продлился слишком долго. Неприлично долго. Судя по всему, на глазах случайно оказавшейся поблизости Ирины. Лунин вновь тихо вздохнул и заерзал, пытаясь удобнее устроиться в показавшемся вдруг необыкновенно жестким кресле. Определенно, ему не в чем оправдываться. Наверняка лучший вариант – притвориться, что он не понял, на что намекала ему Ирина. По сути, ведь никакого разговора между ними не было. Пусть так и останется. Лучше обсудить просмотренный фильм, вспомнить пару смешных моментов (кажется, они все же были), посетовать на то, что раньше кино было смешнее, а затем, купив по дороге пару бутылок вина и пиццу, закатиться в маленькую, но такую уютную квартиру на девятом этаже, где чудесно провести вечер под тихо льющиеся из колонок мелодии Морриконе. А может, ну ее к чертям, эту пиццу? Лунин улыбнулся, довольный своей идеей. Лучше заказать на дом роллы, хотя точно так же можно купить уже готовые. А еще лучше взять все сразу. И роллы, и пиццу, и вина побольше. Точно, именно так!

Но гениальный план Лунина почему-то восторга у Ирины не вызвал. Выслушав с каменным лицом его идею насчет слияния японской и итальянской кухни, она лишь поморщилась, отчего ее лоб тут же пересекли две совершенно, на взгляд Ильи, лишние морщинки.

– Это все, что ты мне хочешь сказать? – Голос Ирины звучал раздраженно. – Я так понимаю, утруждать себя объяснениями ты не намерен.

– А что, в этом есть острая необходимость? – Лунин равнодушно пожал плечами, стараясь всем своим видом продемонстрировать, что не придает никакого значения этой теме разговора.

– Даже так? – Морщинки на лбу Ирины на мгновение исчезли, но тут же вернулись на свое место, вдвое увеличившись в размерах. – Быть может, ты тогда попробуешь объяснить мне, почему в очередной раз идем ко мне? Вернее, не так. Мне непонятно, почему мы никогда

не идем к тебе! Есть какая-то проблема в том, чтобы пригласить меня к себе домой? Или ты полагаешь, что твоим соседям будет неприятно меня видеть?

– Нет, ну что ты, – оживился Лунин, твердо зная, что его соседям по лестничной площадке нет совершенно никакого дела ни до него самого, ни тем более до его возможных посетителей или даже посетительниц, – они у меня замечательные люди.

– Тогда кому? – тут же последовал новый вопрос.

– Кому – что? – растерялся Илья.

– Кому будет неприятно меня видеть?

Илья вдруг вспомнил первый день их знакомства, когда он почти год назад приехал в небольшой город Одинск, пытаясь разобраться в деле об убийстве, в котором обвиняли его собственного двоюродного брата. Тогда Шестакова, работавшая в районном управлении следственного комитета, смотрела на него так же холодно, словно заранее уличив во лжи, пусть в еще не высказанной, но наверняка уже готовой сорваться с языка.

– При чем тут это? – Илья попытался было обнять Ирину, но она отстранилась.

– Тогда в чем? В чем проблема, Лунин?

Вздыхнув, он озадаченно потер переносицу, как делал частенько, когда не мог подобрать подходящих слов. Как можно было объяснить Ирине то, что он не мог объяснить самому себе? Действительно, почему не пригласить любимую женщину (а в том, что он любит Ирину, Лунин нисколько не сомневался) домой? Разве может быть этому препятствием то, что четыре года в этой квартире он прожил с Юленькой? Конечно же нет, ведь это не помешало ему в дальнейшем пригласить к себе Светочку. Хотя Светочка, если быть точным, пришла сама, без всякого приглашения. Тогда он только выписался из больницы, в которой провел больше месяца, и был слишком слаб, чтобы возразить. Впрочем, возражать ему не так уж и хотелось. Тогда в чем же проблема? В том, что Светочка умерла? Вернее, погибла. Погибла по его, Лунина, вине. Из-за его трусости и нерешительности. Но ведь это случилось совсем в другом месте, а вовсе не в квартире, не в спальне с огромной кроватью, на которой так хорошо лежать вместе, обнявшись и глядя друг другу в глаза...

На мгновение Илья зажмурился и тут же увидел ее. Светочку. Она лежала неподвижно, поджав ноги и закрыв глаза, будто спала. Вот только из раны на левой груди все еще продолжающее биться сердце пульсирующими толчками выбрасывало один за другим фонтанчики алой крови. С каждым разом они становились все меньше, пока наконец не превратились в едва заметный прерывистый ручеек, то замирающий, то вновь вытекающий из пронзенного ножом тела.

– Проблема? – переспросил Лунин, открывая глаза. – Какие там проблемы?

Он вспомнил про стоящую на холодильнике фотографию Светочки. Если вести Ирину к себе в квартиру, то, наверное, снимок лучше все же убрать.

– Там просто не прибрано. Ириша, давай я, как уберусь, так обязательно...

– Давай ты как уберешься, так позвонишь мне, а я подумаю, что тебе ответить.

Она оттолкнула его в сторону и устремила к выходу из кинотеатра. Сделав несколько шагов, Шестакова обернулась.

– Даже не так. Сперва я подумаю, стоит ли мне вообще брать трубку.

Если Лунину все случившееся в пятницу, а затем и субботу казалось чередой странных нелепостей, то Шестаковой ситуация представлялась немного иначе. Пятого числа, выйдя из офиса, она уже было направилась к автобусной остановке, когда вдруг услышала за спиной знакомый голос:

– Ирочка, а вы разве не на машине?

Ирина обернулась, и губы ее сами собой растянулись в улыбке. Замещавший Зарецкого на время отсутствия Игорь Корнилов легко сбежал по ступенькам офисного здания и теперь

направлялся к ней, беззаботно помахивая кожаным кейсом для документов. Корнилову еще не было и сорока, но поскольку он с самого окончания юридического факультета работал вместе с Зарецким, то мог по праву считаться самым опытным сотрудником адвокатского бюро «СИЗАР консалтинг». Ну а поскольку основатели бюро Артур Львович Сипягин и Олег Владиславович Зарецкий в офисе появлялись крайне нечасто, руководство всей текущей деятельностью бюро осуществлял именно Корнилов, о чем посетителям офиса весьма убедительно сообщала табличка с надписью «Управляющий директор» на двери его кабинета. Ни годы, проведенные за составлением судебных исков и мировых соглашений, ни достаточно высокая должность почти не смогли изменить Игоря, со времен университетской молодости смотревшего на жизнь с оптимизмом только что вылупившегося из яйца цыпленка. «Наш очаровашка», именно такую характеристику Корнилова услышала Ирина в разговоре с секретарем, оформляясь на работу в бюро. Подтянутый, улыбочивый, неизменно вежливый со всеми остальными сотрудниками, Игорь своему прозвищу соответствовал на все сто процентов, если не больше. Немного странным показалось, что при всех своих достоинствах Корнилов до сих пор не был женат, но ведь, в конце концов, и она до сих пор не замужем, а ведь ей прошлой осенью уже исполнилось тридцать шесть. Может быть, поздний брак – это один из признаков успешного человека? Ну или хотя бы умного, подумала тогда Ирина, поскольку после увольнения из следственного комитета в своей успешности она была отнюдь не уверена.

– Все как всегда, – Ирина невольно сделала небольшой шаг навстречу приближающемуся Корнилову, – отдала машину в ремонт еще во вторник, сегодня обещали отдать, но так и не вернули. Так что на все выходные я пешеход.

– И что же, – достав из кармана автомобильный пульт, Игорь нажал на кнопку, и стоящее неподалеку серебристое купе с кормой, украшенной шильдиком 911, призывно моргнуло габаритными огнями, – такую очаровательную девушку никто не встречает?

– Такую очаровательную девушку никто не встречает, – с улыбкой констатировала Ирина, – к счастью, девушка не только красива, но и обладает способностью передвигаться на общественном транспорте.

– Удивительный дар, – усмехнулся Корнилов, и в ту же секунду лицо его вдруг сделалось серьезным, – хотя у многих людей он единственный. Могу в качестве альтернативы предложить подвезти вас до дома на своей колымаге. – Он небрежно кивнул в сторону «порше». – Конечно, в ней не так просторно, как в автобусе, но зато пассажир сам может выбрать радиостанцию.

Не ожидавшая подобного предложения, Ирина немного замешкалась с ответом.

– Если вы думаете, что я собираюсь тратить на вас личное время и драгоценный бензин, то вы ошибаетесь, – с улыбкой заверил Корнилов, – нам с вами по пути, вот и весь секрет моей необыкновенной душевной щедрости.

– По пути? Вы так уверены? – Ирина удивленно приподняла брови. – Я живу довольно далеко от центра.

– В Алябино, – кивнул Игорь, – я ведь просматривал ваши документы, когда вы устраивались на работу. – Так вот, открою вам удивительную тайну, я живу там же, более того, на соседней улице, от вас минут пять ходьбы, думаю.

– Надо же, и ни разу не встретились. – Настороженность, появившаяся было после неожиданного предложения непосредственного руководителя, куда-то испарилась. – Хотя, если честно, никогда бы не подумала, что вы в тех краях обитаете.

– А где мы там можем встретиться? – Обойдя машину, Корнилов распахнул пассажирскую дверь и приглашающе махнул рукой. – Вечером приехал, зашел в квартиру. Утром вышел из квартиры, сел в машину. Спальный район на то и спальный, люди в нем встречаются, только если спят вместе. Что касается Алябино, я там квартиру купил уже довольно давно, когда уровень моего благосостояния еще сильно отставал от духовного и интеллектуального развития.

– А что, сейчас они уже сравнялись? – Ирина неловко забралась в довольно тесный и непривычно низкий салон.

– Скажем так, разрыв несколько сократился. – Захлопнув за ней дверь, Игорь быстро обогнал машину и буквально через мгновение уже оказался за рулем. – Едем?

– Едем! – решительно кивнула Ирина и тут же, вспомнив, что хотела вечером забежать в магазин, попросила: – Вы меня тогда возле нашего супермаркета высадите, хорошо? Или можно по дороге где-нибудь остановиться, вам ведь, наверное, тоже в магазин надо. Или вы сами не готовите?

– Кто не готовит? Я не готовлю? – Бросив руль, Корнилов возмущенно вскинул руки и закачал головой из стороны в сторону. – Как вы могли такое подумать? Я что, произвожу столь удручающее впечатление?

– Ну почему же? – Ирина облегченно выдохнула, когда Игорь наконец вновь вернулся к управлению автомобилем. – Сейчас ведь многие заказывают доставку. Приехали, а тут все готовое. Удобно.

– О да, у нас вся страна мечтает на всем готовом оказаться, – усмехнулся Корнилов. – Не знаю, что вы думаете по этому поводу, а для меня нежелание самому приготовить для себя пищу – первый признак деградации личности. Хорошо, пусть не первый, – он покосился на молча слушающую его Ирину, – но один из первых. Музыка вас устраивает? Если нет, можете переключить. Все, как обещано.

– Музыка? – Ирина прислушалась к доносящимся из динамиков негромким звукам. – Пусть играет. А что касается готовки, я думаю, большинство мужчин с вами не согласятся. Да и многие женщины тоже.

– Ну что же, значит, я в меньшинстве, можно даже сказать, в оппозиции, – кивнул Игорь. – Присоединяйтесь! Членство в кулинарной оппозиции, в отличие от политической, довольно безопасно, более того, – он аппетитно причмокнул губами, – весьма вкусно. А заказывать все то, что возят в наших доставках, – это значит совершенно не уважать свой желудок. А как можно не уважать часть, причем заметьте, весьма важную часть, себя самого? Вот откройте мне тайну, у вас что сегодня на ужин?

– Тут не очень большой секрет, – рассмеялась Ирина, – зато информация совершенно точная, потому как ужин у меня остался со вчерашнего дня...

– Ужасно! – перебил ее Корнилов. – Ужасно оставлять еду на следующий день. Большинство блюд совершенно теряют свои вкусовые качества.

– Вот уж никогда не замечала, – удивленно возразила Ирина.

– Мы многое не замечаем, – Игорь небрежно крутанул руль, входя в поворот, – но ведь все то, что мы не замечаем, оно все равно существует. Какое здание мы с вами только что проехали? Ну, быстрее! Оно было справа от вас, и вы даже смотрели в его сторону.

– Здание? – Ирина растерянно обернулась. Сквозь покатое, наглухо затонированное заднее стекло «порше» было почти невозможно разглядеть что-либо.

– Областная прокуратура, – вздохнул Корнилов, – и вы, между прочим, здесь несколько раз были за последние месяцы. Видите, глаза не замечают порой даже что-то знакомое и не такое уж маленькое по размеру. То же самое и с другими органами чувств. Тут ведь все дело в приоритетах. Сейчас для вас в приоритете поддерживать беседу со мной. А также следить за тем, чтобы я не сильно отвлекался от дороги и не убирал руки с руля. Так?

– Примерно, – была вынуждена согласиться Шестакова.

– Примерно, – усмехнулся Игорь. – Примерно так обстоит и с едой. Можно провести эксперимент. Приготовить какое-нибудь блюдо из свежих продуктов, а затем сравнить его на вкус с таким, но приготовленным за сутки до этого. С тем, что уже один раз нагрели, потом охладили. Затем нагрели по новой. Если вас ничто не будет отвлекать, – дети, телефон, телевизор, – вы непременно почувствуете разницу.

Как оказалось, подтянутый худощавый Корнилов может говорить о еде долго, причем с таким энтузиазмом, что, когда «порше» наконец остановился на парковке возле районного супермаркета, Ирина уже изнывала от голода. Она стремительно промчалась по параллельно-перпендикулярным рядам стеллажей и холодильных витрин, заполняя тележку продуктами. Игорь, не отставая, следовал за ней, хотя, как показалось Шестаковой, его набор покупок значительно отличался от ее собственного.

Расплатившись на кассе, Ирина вышла из магазина и остановилась на крыльце подождать Игоря. В нескольких шагах от нее по тротуару двумя встречными потоками спешили прохожие в надежде как можно скорее оказаться дома и приступить к заслуженному пятничному ничегонеделанию, еще чуть дальше бесконечной огненной лавой, включив фары, неслись автомобили. Один из них, черная «камри», вдруг притормозил и, включив аварийку, остановился, прижавшись к обочине. Задняя дверь распахнулась, и из машины показались две молодые девушки, а вместе с ними, к удивлению Ирины, из «камри» выбрался и Лунин. Подхватив стоящие на ступенях пакеты, Ирина сделала было шаг в его направлении, и тут одна из девушек поцеловала Лунина прямо в губы. Поцелуй длился недолго, но все же Ирина невольно замедлила шаг. Она уже спускалась с последней ступени, когда другая девушка, последовав примеру первой, впиалась в губы Лунина своими губами. Этот поцелуй длился долго, слишком долго для того, чтобы быть обычным дружеским поцелуем. Да и разве друзья, даже если поверить в возможность дружбы между мужчиной и женщиной, так целуются? Девица, обхватив шею Лунина обеими руками, прижалась к нему всем телом, а затем, когда их губы, наконец, разъединились, провела на прощанье ладонью по его щеке. Друзья так не прощаются. Так прощаются только очень близкие друзья, те, которых и друзьями уже не назовешь, потому как называются они совсем другим словом.

Обе девушки уже двинулись куда-то в сторону ближайших домов, черная «камри» унесла прочь вновь севшего в нее Лунина, а Шестакова все стояла неподвижно, растерянно глядя на утоптаный пятачок снега, где только что Лунин – ее Лунин! – целовался с другой женщиной.

– Вот и я, – рядом остановился бесшумно подошедший Корнилов. – Ну что, давайте довезу вас до подъезда? Вы будете удивлены, но в моей машине имеется багажник. Наши с вами пакеты как раз в него должны поместиться.

– Я сама, – сухо отозвалась Ирина, отступая на шаг в сторону, – сама дойду. Вам вовсе не обязательно так усердствовать.

– Я что-то не так сделал? – нахмурился Игорь. – В таком случае...

– У вас исключительное самомнение, – Ирина перехватила пакеты поудобнее, – даже право на неправильные поступки вы оставляете только за собой. Всего доброго, Игорь Константинович. Думаю, целоваться на прощанье не будем.

Проводив удивленным взглядом удаляющуюся Шестакову, Игорь пожал плечами и двинулся к припаркованному неподалеку автомобилю. Сделав несколько шагов, он еще раз обернулся, как раз для того, чтобы успеть заметить, как Ирина скрывается за углом супермаркета.

– Зачем тогда было меня ждать? – ничего не понимая, пробормотал он и, поставив пакеты в снег, начал шарить по карманам в поисках ключей от машины.

– Я не знаю, что именно вы хотите от меня услышать. Поэтому буду говорить в произвольном порядке. – Голос Зарецкого звучал тихо, но достаточно отчетливо. – Начну, пожалуй, с самого простого. С денежных отношений. Вы же понимаете, в конечном итоге все упирается именно в деньги. Причем всегда упирается болезненно. Когда денег не хватает, это всегда болезненно. А их почему-то всегда не хватает, во всяком случае, мне.

По притихшему отелю пронесся печальный вздох, вырывающийся из установленных в каждом номере динамиков.

– Их вроде бы постепенно становится все больше, но отчего-то и больше не хватает. Конечно, это все лирика. Вам нужен, так сказать, фактический материал. Ну что же, перейдем к фактам. Факт, друзья мои, заключается в том, что десятины не существует.

Несколько мгновений Олег Владиславович помолчал, очевидно ожидая реакции слушателей. Не дождавшись ее, он удивленно хмыкнул:

– Мне кажется, вы меня не поняли. Объясняю подробнее: никакой губернаторской десятины нет. Я ее выдумал.

– А вот сейчас я точно не понял, – послышался из динамиков возмущенный мужской голос.

– Поздравляю, Миша, – иронично отозвался Зарецкий, – у тебя быстрее реакция. А ты, Артур? Не ожидал от тебя такой медлительности. Или ты от неожиданности потерял дар речи?

– Ни тот вариант, ни другой. – Голос нового участника разговора звучал почти равнодушно. – У меня всегда были некоторые сомнения в этом вопросе, но, зная характер господина Сергиевича, я допускал, что действуешь в его интересах. Оказывается, нет, лично в своих.

– Так это что же, вы со Стасом меня, значит, на пару обманывали? – констатировал тот, кого Зарецкий назвал Мишей. – И что теперь, вы думаете, это обойдется вам без последствий? Я ведь накажу. Накажу вас обоих. Вы слышите меня? Почему вы молчите? Я спрашиваю, вы меня слышите?

Переждав этот бурный всплеск возмущения, Зарецкий поинтересовался:

– Я могу продолжить?

* * *

В отличие от Лунина начальник Областного управления следственного комитета по Среднегорской области генерал-майор Хованский встречал утро праздничного дня в замечательном настроении. Будучи благополучно женат уже более тридцати лет, Дмитрий Романович был уверен, что крепкий брак строится на воспоминаниях и ими же может быть до основания разрушен. А посему надо прилагать все усилия к тому, чтобы воспоминания были в большинстве своем приятными, причем для обоих участников семейного союза. Взять, к примеру, Восьмое марта. Конечно, всем понятно (во всяком случае, сам Хованский был в этом убежден), что без этого праздника прекрасно можно было бы обойтись. В конце концов, женщин поздравляют по случаю дня рождения, на Новый год, а женщин-следователей еще и в День работника следственных органов. Зачем придумывать что-то еще? Но поскольку возможности допросить (желательно с пристрастием) и Клару Цеткин, и Розу Люксембург у доблестного генерал-майора не было, он справедливо полагал, что надо использовать сложившиеся обстоятельства себе же на благо. Ведь Восьмое марта промелькнет достаточно быстро, а вот приятные воспоминания об этом дне, если как следует постараться, могут остаться надолго. А это означает, что в глазах любимой Хомочки Дмитрий Романович еще долго будет выглядеть галантным кавалером, благородным рыцарем и элегантным джентльменом. А ведь их всех троих надо кормить, холить и лелеять, чем Хомочка и будет заниматься оставшиеся триста шестьдесят четыре дня до следующего праздника. Хотя нет, день рождения Хомочки, пожалуй, тоже придется вычеркнуть. Значит, триста шестьдесят три. Не так уж и плохо!

На самом деле Дмитрий Романович не был столь циничным и расчетливым человеком, как могло показаться со стороны. Утром он бесшумно выскользнул из спальни, спустился на первый этаж и занялся приготовлением традиционного праздничного завтрака – прежде всего потому, что ему это доставляло удовольствие. Он любил кормить Хомочку, особенно по праздникам, когда можно было никуда не торопиться и с душой отдаться любимому занятию.

На самом деле супругу Хованского звали Лидой, или, как к ней обращались окружающие последние лет двадцать, Лидией Юрьевной. Прозвище Хома, или же в ласковом вари-

анте Хомочка, прикрепило к ней еще со школьных лет и имело самое заурядное объяснение. Девичья фамилия Лидии Юрьевны была Хомянина.

Спустя несколько лет, проведенных супругами вместе, открылись сразу три ранее никем не замечаемых обстоятельства. Первым оказалось то, что Дмитрий Романович любил готовить. Нет, каждодневная возня у плиты и чистка картофеля Хованского вовсе не прельщали, но в выходные дни он любил посвятить время приготовлению какого-нибудь нового и, как всегда, необыкновенно вкусного блюда, рецепт которого был обнаружен им в кулинарных книгах, а позднее на просторах Интернета за минувшую рабочую неделю. Поскольку Дмитрий Романович всегда умел мыслить масштабно, то и готовил он обычно, используя максимально вместительные имеющиеся в его распоряжении емкости, так что приготовленного блюда хватало обычно на два дня, а то и на три. Вторым обстоятельством, весьма ощутимо сказывавшимся на семейном благополучии четы Хованских, было то, что Лидия Юрьевна всегда была уверена, что первенство в кулинарном искусстве должно принадлежать исключительно женщинам. А посему в те дни, когда Дмитрий Романович не обременял кухню своим присутствием, проводила там изрядное количество времени, пытаясь к вечернему возвращению домой супруга сотворить очередной кулинарный шедевр.

Эта бескровная битва длилась уже три десятка лет, доставляя огромное наслаждение обоим ее участникам. Единственным ее недостатком оказалось то самое третье обстоятельство, о котором супруги узнали лишь через пару лет семейной жизни.

Лидия Юрьевна имела склонность к полноте. Первые несколько лет эта фраза из ее уст звучала немного иначе: «Некоторую склонность к полноте», затем слово «некоторую» куда-то пропало, возможно затерявшись в начавших образовываться жировых складках. В связи с этим открывшимся позже другим обстоятельством прозвище Хома обрело новый смысл, постепенно полностью вытеснив старый, так как все меньше людей имели представление о девичьей фамилии жены Хованского.

Включив радио, Дмитрий Романович увлеченно погрузился в кулинарные хлопоты. Согласно утвержденному им самим меню, праздничный завтрак должен был включать в себя следующие блюда: легкий овощной салат с брынзой и морепродуктами, более сытный салат с бужениной и маринованными огурчиками, фондю из четырех сортов сыра с креветками и хрустящим багетом, тарталетки с икрой и слабосоленой семгой, запеченная в духовке лазанья, а также заказанные еще вчера пирожные с творожной начинкой, которые с минуты на минуту вместе с цветами и выпечкой должен был доставить курьер. Томящиеся с вечера в холодильнике две бутылки Veuve Clicquot «Rich» Rose идеально подходили к планируемому скромному завтраку. Во всяком случае, Хомочка пила исключительно сладкое шампанское, полагая брют и прочие сухие и даже полусухие вариации шипучего напитка созданными исключительно для того, чтобы повышать кислотность и вызывать язву желудка.

А мы с тобой летали вдвоем,
Я верю, ты расскажешь потом
Про то, как мы летали, оо-у-о,
про то, как мы летали...

Подпевая звучащей из динамиков мелодии, Хованский чуть было не пропустил телефонный звонок. Прежде чем ответить, он взглянул на экран и удивленно хмыкнул. Номер был незнакомым, более того – выглядел несколько странно.

– И что это у нас за Зимбабва такая? – пробормотал Дмитрий Романович, поднося смартфон к уху.

– Дима! Димочка! Это ты? – услышал он в телефоне взволнованный, показавшийся ему знакомым голос.

– Может, кому и Димочка, – недовольно буркнул Хованский, уменьшая громкость музыкального центра. – Вы кому звоните, мадам?

– Дима, это я, Димочка! – всхлипнула трубка. – Алла.

– Аллочка? – переспросил генерал и тут же испуганно оглянулся. Убедившись, что на лестнице не слышно шагов супруги, Хованский немного успокоился. – Радость моя, ты только не обижайся, но твой звонок сейчас совершенно не вовремя. Вот прям совсем. Понимаешь, у меня тут праздничные, так сказать, хлопоты. Да, я тебя, конечно, тоже поздравляю...

– Димочка, у нас беда. – Из динамика вновь донеслись всхлипывания. – Они хотят его убить. Они прямо сейчас его убивают!

– Так, без паники! – Хованский всегда отличался быстротой реакции и умением понимать, когда ситуация действительно требует его вмешательства. – Говорим четко и внятно. Кто убивает, кого убивает? И адрес! Адрес мне давай, я сейчас группу вышлю.

– Я не знаю. – Всхлипывания на мгновение утихли, но затем разразились с новой силой.

– Алла, мать твою, – начал терять терпение Дмитрий Романович. – Чего ты не знаешь? Кого убивают? Где ты, черт тебя дери, находишься?

– Мы в «Ковчеге», – еле слышно донеслось из динамика.

Глава 2, в которой выясняется, что у Юрки проблемы начались еще раньше, чем у остальных

Юрка проснулся от головной боли. Свесив ноги с дивана, он попытался нашарить ногами тапочки, но безуспешно. О том, чтобы наклониться, не могло быть и речи. Голова категорически возражала против любого резкого движения. Ей вторил желудок, явно желающий избавиться от части так и не переваренных за ночь продуктов.

Продукты... Разве это можно назвать продуктами? Передержанные на плите макароны с еще более разварившимися, разбухшими и полопавшимися сосисками, а к ним в придачу большая пластиковая упаковка с салатом. Как же он назывался? Кажется, боярский. Или царский? Посмотреть бы на тех бояр, которые бы его есть стали.

Кое-как поднявшись на ноги, Юрка медленно двинулся в сторону туалета. Да, салат оказался редкостной гадостью, хотя дело, конечно, совсем не в нем. Во всяком случае, голова болит точно не от мелко нарезанного непонятно чего, обильно приправленного майонезом.

Едва успев добраться до унитаза, Юрка переломился пополам, и его вырвало вонючей жижей, наполненной ошметками овощей и полукопченой колбасы, заменявшей в салате куриную грудку. Почувствовав себя немного лучше и забыв спустить в унитазе воду, Юрка поковылял на кухню. Конечно, можно было сперва зайти в ванную комнату и там умыться, но к чему делать лишние шаги, если на кухне тоже есть раковина?

На его счастье, в упаковке обезболивающего еще оставались последние две таблетки. Немного подумав, Юрка проглотил обе, запив их полной кружкой холодной воды из-под крана. Все. Теперь остается только ждать. Минут через двадцать, если повезет, через пятнадцать таблетки подействуют, и пульсирующая боль в голове начнет затухать. Разве что приоткрыть окно. Говорят, свежий воздух облегчает похмелье.

Потянув на себя оконную створку, Юрка поежился и тут же захлопнул ее обратно. Может быть, на календаре и весна, вот только природа об этом явно не в курсе. Тем более сейчас, под утро, когда набравший силу мороз чувствует себя полноправным хозяином на городских улицах.

Юрка взглянул на стоящие на холодильнике часы-радиоприемник. На темном экране тускло высвечивалось рубиново-красным: 06:39 06.03. Говоря по-русски, без двадцати семь, шестое марта. Суббота.

– Суббота, – простонал Юрка, в один миг вспоминая все события вчерашнего дня. Боль в висках откликнулась на его возглас мгновенно усилившейся пульсацией. Усевшись на табуретку, Юрка обхватил голову руками, ожидая, когда его страдания хотя бы немного уменьшатся, и жалобно заскулил, переполненный жалости к несчастному и никчемному существу, каковым он сейчас себе самому и представлялся.

А ведь ничего плохого вчерашнее утро не предвещало. Вовремя сработал будильник, сковорода с яичницей была своевременно снята с плиты, и даже на работу Юрка приехал на десять минут раньше обычного, в результате чего первым оказался в комнате для совещаний. Совещания шеф всегда назначал на девять ноль пять, великодушно предоставляя опаздывающим несколько дополнительных минут, чтобы успеть добраться до огромного овального стола, установленного посреди просторной комнаты с огромными окнами во всю стену (правда, всегда закрытыми жалюзи) и цифровым проектором под потолком. Шеф любил, когда сотрудники пользовались проектором. По его мнению, на большом экране диаграммы, показывающие динамику рентабельности и рост объемов продаж, смотрелись внушительнее и легче поддавались восприятию. Эту маленькую слабость шефу прощали, и на то было несколько причин.

Прежде всего, трудно не простить что-то шефу, на то он и начальник (да и не просто начальник, а единоличный собственник всего предприятия), чтобы делать, что душе угодно, и требовать того, чего угодно этой самой душе от подчиненных. Во-вторых, шеф был мужик неплохой, заработная плата на предприятии начислялась своевременно и даже была хоть и немного, но выше, чем в среднем по городу, так что конфликтовать с руководством не имело никакого смысла. В-третьих, неплохой мужик был еще и крайне вспыльчивым, и все, кто не оценил значение первых двух пунктов, столкнувшись с проявлениями третьего, сразу понимали, что конфликтовать с руководством не имело никакого смысла. Зачастую понимали они это уже слишком поздно, получая на руки трудовую книжку в отделе кадров. К таким «тугодумам» Юрка всегда относился со снисходительной иронией. С одной стороны, жалко ребят, не все они были безнадежны, с другой – каждый кузнец своего счастья. И несчастья тоже. Что выковали, то и получили. Сам он в конфликты с руководством старался не вступать, а если и попадал изредка под горячую руку, то никогда не медлил с тем, чтобы покаяться и признать ошибки, пусть даже несуществующие, либо же по вине самого этого руководства и совершенные.

На этот раз волноваться по поводу очередного совещания никаких оснований не было. Отчитываться о работе за прошедший месяц предстоит начальникам отделов, ему же, Юрке, на совещании и вовсе можно было бы не присутствовать, но так уж было заведено: шеф всегда требовал, чтобы был кто-то из айтишников, и этим кем-то традиционно оказывался Юрка. Опять же, причин этому было несколько. Во-первых, весь IT-отдел был невелик, в нем насчитывалось всего четыре сотрудника. Во-вторых, старший в отделе, Валерий Михайлович, был старшим во всех смыслах слова, и прежде всего по возрасту, причем старше он был не только остальных своих коллег, но и самого генерального директора. Как представлялось Юрке, а заодно и большинству сотрудников предприятия, Валерий Михайлович застал еще те далекие времена, когда на земле только появлялись первые компьютеры, а полученную в результате их нехитрых вычислений информацию хранили на перфокартах.

Должно быть, шефу было не очень комфортно заставлять столь заслуженного, поблескивающего лысиной и сединами работника проверять, почему вдруг проектор не видит картинку с подключенного к нему ноутбука или же сам ноутбук не хочет открывать только что загруженный на него файл. Да и сам Валерий Михайлович, если когда-то и брался за работу столь низменного характера, выполнял ее с такой величественной неторопливостью, что гораздо быстрее выходило сбегать через дорогу в торговый центр и купить новый ноутбук взамен неожиданно зависшего.

Еще два работника отдела пришли в компанию совсем недавно, меньше года назад. Оба они были совсем неопытны и большей частью использовались как неотложная техпомощь, когда у кого-то из сотрудников вдруг посреди рабочего дня гас монитор или зависал компьютер. Для того чтобы ходить на совещания под руководством самого генерального, они были еще молоды. Во всяком случае, так считал Юрка, не так давно отпраздновавший свое тридцатилетие. Что по этому поводу думал Валерий Михайлович, не знал никто, но, судя по всему, Юркино решение представлять отдел на всех мероприятиях с участием руководства он не оспаривал. Возможно, потому, что сам в конце года собирался уходить на пенсию, а быть может, из-за того, что это и в самом деле был наилучший вариант. Шеф к Юрке уже привык, в целом относился неплохо и иногда прощал небольшие дисциплинарные прегрешения, без которых никак не может обойтись ни один представитель творческой профессии, а себя Юрка причислял именно к таковым.

– Принес? – на ходу кивнув Юрке, устремился к столу начальник отдела розничных продаж Гордеев, худой, совершенно лысый мужчина с бледным лицом и жидкими седыми полосками бровей над глазами, имеющий привычку посматривать на всех несколько свысока, причиной чему был не только здоровенный, под два метра рост Гордеева, но и еще более высокое самомнение.

– Здравствуйте, – кивнул в ответ Юрка, сунул руку в карман и тут же растерянно выдернул. В кармане было пусто. Возможно, кто-то другой начал бы охлопывать себя по всему телу, проверять все имеющиеся на одежде накладные и вшитые карманы, но только не Юрка. По роду деятельности ему частенько приходилось носить с собой флешки или жесткие диски то со скачанными для шефа новыми фильмами, то со взломанными дистрибутивами программ, устанавливаемых на машины сотрудников. На лицензиях шеф предпочитал экономить. Чтобы не путаться, что и в каком кармане у него лежит, Юрка завел правило – все, относящееся к работе, если влезает, всегда лежит в левом нагрудном кармане безрукавки. И вот сейчас в этом кармане ничего не было.

– Эпик фэйл¹, – пробормотал Юрка, быстро просчитывая всевозможные варианты исправления ситуации. Возникшие в его голове электрические импульсы за несколько мгновений промчались по всем теоретически возможным путям спасения и убедились, что ни один из них такого не гарантирует.

– Ты чего обмяк? – Гордеев недовольно нахмурился. – Материалы принес?

Юрка виновато улыбнулся. Короткое слово из трех букв повисло у него на кончике языка, словно зацепившись за что-то, и никак не хотело выскакивать из рта.

– Ну же, – теряя терпение, поторопил Гордеев.

Двери комнаты совещаний распахнулись, и в помещение вошли еще несколько человек, среди которых Юрка успел разглядеть массивную фигуру Тимофея Ильича Вольского, возглавлявшего оптовый отдел.

– Нет, – набравшись мужества, выдохнул Юрка и повторил с какой-то отчаянной злостью: – Нет!

– Ну что, где тут мой лучший друг на сегодняшнее утро, – добродушно пророкотал толстяк Вольский. – Юрок, надеюсь, все сделано в лучшем виде?

– Сделано, – пробормотал Юрка, – все сделано, Тимофей Ильич.

– Сделано, это хорошо, – одобрительно кивнул Зольский. – Тогда что сидим? Запускай аппаратуру, готовь к показу. Надеюсь, шеф, как это твое аниме увидит, так сразу нам квартальные премии и выпишет, на месяц раньше. – Зольский подмигнул стоящему рядом и напряженно вслушивающемуся в их разговор Гордееву. – А что, почему бы и нет?

– Аниме не будет, – чувствуя, как стремительно пересыхает во рту, прошептал Юрка, – я флешку дома оставил.

– Та-а-ак, – раскатисто прогрохотал Зольский, сводя к переносице кустистые брови. – А где у нас с тобой дом?

– Что? – не сразу понял вопрос Юрка.

– Живешь ты где, обалдуй? – рявкнул Тимофей Ильич.

Остальные находящиеся в комнате сотрудники притихли. Все знали, что когда Зольский выходит из себя, что, впрочем, бывало крайне нечасто, то внешним видом и замашками напоминает разъяренного носорога, дорогу которому, как известно, иногда уступает даже слон (читай – генеральный).

– В За... в Заречном, – пролепетал Юрка.

– Мать моя женщина, – Зольский с отчаянием ткнул кулаком по столу, отчего деревянная поверхность гулко завибрировала, – туда даже на машине минут сорок добираться.

– И это только в одну сторону, – подхватил Гордеев.

– А ты чего суетишься? – Тимофей Ильич неприязненно взглянул на основного конкурента в битве за симпатии руководства. – Он и тебе веселые картинки обещал сделать?

– Ага, – процедил Гордеев, – мультики.

---

¹ Epic fail, английское выражение, означающее сокрушительный провал.

– Мультики сейчас нам всем устроят, – мрачно констатировал Зольский и ткнул Юрку толстым пальцем в плечо. – У тебя здесь, в офисе, что-то есть? Сейчас сможешь быстренько вставить? Минут десять мы уж как-нибудь протянем.

– Все дома, – с отчаянием покачал головой Юрка, – вчера вечером допоздна делал. Наверное, флешка так на столе и осталась. Из компьютера-то я ее точно вынул.

– Вынул, вставил... вы, молодежь, только это и умеете, – брызнул на Юрку слюной Гордеев. – Что, неужели нельзя было, как все сделал, файлы на мейл скинуть? погоди! Есть же такая штука, сейчас название вспомню... удаленный доступ. Ты же можешь отсюда к своей машине подключиться и все перекинуть?

– Нет, – Юрка, словно робот, повторил движение головой из стороны в сторону, – только ехать. Но это в любом случае часа полтора, шеф столько ждать не будет.

– Ну что? Вижу, все в сборе. Это замечательно. – Появившийся на пороге генеральный одарил подчиненных лучезарным поблескиванием свежевставленной керамики. – Давайте сегодня в темпе отработаем. У меня еще куча дел запланирована. Сами понимаете, день предпраздничный, надо кой-кого навестить, кой-кого поздравить.

Вновь белозубо оскалившись, шеф проследовал к своему креслу во главе стола.

– Начинайте. – Он небрежно шелкнул пальцами. – Кто первый?

– У меня табличный отчет с собой, – прошептал Зольский, протягивая Юрке маленький черный кусочек пластика. – Запускай. Может, прокатит.

Не прокатило. Шеф, мужчина в самом расцвете сил и здоровья, обладал одним, достаточно существенным физическим недостатком. Он был несколько подслеповат. Поскольку проблема со зрением была не очень сильна, в обычной жизни ни генеральному, категорически не желавшему носить очки, ни окружающим она проблем не доставляла. Общаться с сотрудниками и деловыми партнерами небольшая близорукость никак не мешала. Не сказывалась она и на работе за компьютером или с документами, разве что к экрану или столу шеф наклонялся чуть ближе, чем это обычно делают другие. Почему генеральный не пользовался контактными линзами, никому в голову поинтересоваться не приходило, да и вообще большинство сотрудников организации понятия не имели, что у шефа не идеальное зрение. Знали об этом лишь руководители отделов и еще несколько приближенных, в основном те, кому регулярно приходилось бывать на проводимых шефом совещаниях. Все они были прекрасно осведомлены, что шеф не видит ни единого показателя в демонстрируемых проектором таблицах. Конечно, после проведения совещания, так сказать, в широком формате, генеральный, оставшись наедине с финансовым директором, проходил по цифрам повторно, на этот раз сверяясь с бумажной распечаткой отчетов, но на самом собрании он предпочитал видеть на экране разноцветные столбцы и круги диаграмм, наглядно демонстрирующие достигнутые за отчетный период успехи.

Как это бывает во многих компаниях, начальники отделов, люди в целом неглупые, категорически не желали направить хотя бы крупицу своего интеллекта на развитие навыков общения с компьютером, самоуверенно полагая, что их базового знакомства с Word и умения заполнять таблицы в Excel вполне достаточно для руководителей их уровня. Поэтому графики, диаграммы и схемы к отчетам, в общем, все то, что так ценил генеральный, из раза в раз отрисовывал Юрка. Поскольку итоговые собрания проводились всегда в первой декаде месяца, а каждому отделу требовалось время, чтобы подготовить и свести воедино все показатели, Юрке черновые варианты отчетов, как правило, выдавали за день, максимум за два до дня отчета. Особых проблем из-за этого не возникало. Все шаблоны графических построений были сохранены у него на компьютере, требовалось лишь ввести новые параметры, а дальше машина сама делала все, что от нее требовалось. Результатами Юркиного усердия все были довольны, более того, к нему настолько привыкли, что уже даже перестали замечать. Осознав этот неприятный факт, Юрка понял, что настало время идти вперед. Немного покопавшись в Интернете,

он решил удивить и отчитывающихся руководителей, и самого генерального анимированными иллюстрациями. Столбики с прибылью множились бы на глазах удивленных зрителей, а график операционной выручки, по замыслу Юрки, должен был ползти вверх прямо во время презентации. Показавшаяся на первый взгляд не очень сложной задача потребовала от Юрки изрядного количества свободного времени. В конечном итоге, чтобы управиться в срок, он взял работу на дом и потратил весь предыдущий вечер, а заодно и изрядную часть ночи на то, чтобы воплотить задуманное в жизнь. Закончив работу уже в начале четвертого, Юрка скопировал весь готовый материал на флешку. Конечно, стоило бы отослать файлы Гордееву и Зольскому, но тратить на это даже минуту времени не было ни сил, ни желания. Да и какой смысл? Утром к проектору все равно будет подключаться установленный в комнате совещаний компьютер, а на него информацию можно загрузить только через флешку, так как к внутренней сети он не подключен.

Привычно убедившись, что будильник выставлен на половину седьмого, Юрка моментально провалился в объятия сна, ну а флешка с готовыми отчетами так и осталась лежать на письменном столе рядом с клавиатурой.

– У меня от твоих цифр уже в голове все перемешалось, – бесцеремонно прервал шеф Зольского, монотонно бубнящего заученный наизусть текст отчета. – Это все можно как-то наглядно проиллюстрировать? Ты вроде не в первый раз здесь очутился. Иль что, лень было нормально подготовиться?

Последняя фраза была произнесена таким тоном, что всем присутствующим стало очевидно: если ситуацию можно исправить, то делать это нужно незамедлительно. Потом будет уже поздно.

– Не лень, вот, ей-богу, не лень. – Зольский гулко хлопнул себя по широкой груди ладонью. – Накладка вышла, так сказать, технического характера. Человеческий фактор...

– Так технического характера или человеческий фактор? – На лице шефа появилось то брезгливое выражение, которое обычно появлялось в те моменты, когда он убеждался в чьей-либо некомпетентности. – Или ты одно от другого не отличаешь?

– Так ведь айтишники, – толстяк Зольский нелепо развел руками, – полулюди-полуроботы. Андроиды, мать их, в голове одни микросхемы. Вот одна и дала сбой.

– Как образно, – хмыкнул шеф, судя по всему еще не решивший, пора ли уже выходить из себя или же стоит пока повременить. – И что, где эта микросхема?

– Вот, – моментально отозвался Зольский, поворачиваясь к Юрке всем телом, – вот этот.

– Ах вот этот. – Генеральный несколько мгновений мрачно смотрел на Юрку, затем кивнул. – Хорошо, с этим явлением мы позже разберемся. А сейчас пока розница отчитается. Надеюсь, у вас хотя бы по-человечески все сделано?

– Понимаете, – торопливо вскочил с места Гордеев и теперь возвышался над столом тощей жердью, покачивающейся из стороны в сторону, – у нас проблема того же характера, можно сказать, идентичная.

– Нормально скажи, – перебил его генеральный.

– Сопроводительные материалы к таблицам не готовы. – Голос начальника розничного отдела зазвучал неожиданно звонко. – Вся ответственность лежит на сотруднике IT-департамента Ушанкине.

– Ого, ты уже и ответственного определил, мне всегда казалось, это только моя прерогатива. – Лицо шефа начало бледнеть, что обычно происходило с ним в минуты крайнего недовольства. – Ну что же, давайте разберемся подробнее, почему у нас такая интересная ситуация. Я вот не поленился к вам приехать, сижу здесь в надежде услышать полноценные выступления. И что я получаю?

Час спустя, выйдя на крыльцо офисного комплекса, Юрка досадливо сплюнул себе под ноги и стремительно, словно куда-то опаздывал, зашагал в сторону ближайшего супермаркета.

На самом деле спешить Юрке было некуда, вернее, уже некуда, как некуда спешить любому человеку, только что потерявшему работу. Ну не бросаться же скорее к монитору, просматривая сайты объявлений с вакансиями. Юрка усмехнулся промелькнувшей в голове дурацкой идее. Сайты от него никуда не денутся. Правда, вряд ли там быстро найдется подходящая вакансия с тем же уровнем заработной платы и начальником отдела, собирающимся через полгода на пенсию. Поскользнувшись, Юрка нелепо взмахнул руками и кое-как удержался на ногах. Черт! Надо же было так облажаться. Ладно, флешка, забыл, и бог с ней, но кто тебя тянул открывать рот? А вставать с места? Ну проорался бы генеральный, потом успокоился. Ну лишил бы потом квартальной премии, не бог весть какие деньги. Да и потом, вот это – «ишак рыжий», разве оно того стоило, чтобы грубить в ответ?

– Ну ведь правда рыжий! – громко простонал Юрка, отчего идущая ему навстречу женщина подалась куда-то в сторону.

Да и ишак, если подумать, не такое уж и ругательное слово. Выносливый, неприхотливый, всеядный, почти как Юрка. Не человек, правда, скотина, и как говорят, скотина упрямая и не шибко большого ума, ну тут что поделаешь. Никто не идеален, даже шеф. Собственно, он сам только и сделал, что этот факт констатировал. Разве за такое увольняют? Хотя, наверное, немного грубо прозвучало. «Хомяк слепешарый». Интересно, почему хомяк? Шеф вроде на хомяка совсем не похож.

– Да и не шеф он мне больше, – вздохнул Юрка, поднимаясь по ступеням супермаркета.

Прежде чем зайти в магазин, Юрка решил сделать звонок. Достав смартфон, он быстро набрал нужный номер и прижал телефон к уху.

– Ритусик, – преувеличенно бодро заговорил он в трубку, – а не начать ли нам празднование уже сегодня? У меня повод есть, я на новую должность перехожу... Нет, не повысили. Уволился. Да, надоело. Что надоело? Все. Так что, мы праздновать будем или ты занята сильно?

Судя по раздававшемуся в телефоне оживленному многоголосью, Ритусик действительно была занята.

– Подожди, – кое-как разобрал Юрка, – сейчас я выйду.

Через несколько секунд в телефоне стало гораздо тише, и голос Ритусика можно было слышать не напрягаясь.

– Это хорошо, что ты позвонил.

Юрка энергично кивнул, так, словно девушка могла сейчас его видеть.

– Я как раз вчера вечером думала, как лучше. Ласково и долго или жестко, но быстро.

– Ты это о сексе? – хихикнул Юрка. – Можно сперва один вариант, потом другой.

– Нет, Юрочка, не о сексе, – вздохнула Ритусик, как показалось Юрке, слишком печально для столь жизнерадостного общения. – Хотя, конечно, это не очень хорошо, что по телефону, с другой стороны, скоро ведь праздник.

– Я и говорю, пора начинать праздновать. – Юрка бросил взгляд на витрину супермаркета, заманивающую покупателей очередным «ударом по ценам», но не уточняющую, что в результате этого удара цены уже в который раз за год подскочили вверх.

– А если не по телефону будем разговаривать, то ты мне наверняка настроение испортишь, – продолжила Ритусик, – а по телефону не успеешь, я ведь всегда могу отключиться. Верно?

– Что я испорчу? – Юрка озадаченно сдвинул брови. – Зачем испорчу?

– Ну как же, разве по-другому получится? – загадочно отозвалась Ритусик. – Я тебе скажу, а ты начнешь нервничать. А нервничать, мне кажется, лучше удаленно друг от друга.

– Почему я должен начать нервничать? – занервничал Юрка. – Ты нормально объяснить можешь?

– Видишь, уже, – вздохнула Ритусик, – а я ведь еще ничего не сказала. Хорошо, слушай.

– Говори же! – не выдержал Юрка.

– Я решила, что с сегодняшнего дня мы не пара. Я долго думала и решила, что такая формулировка самая правильная. А то, знаешь, вот так всегда в кино говорят – нам надо расстаться. А как нам расстаться, если мы и так вместе не живем? Правильно я говорю? Не пара звучит лучше.

Ошеломленный, Юрка не мог вымолвить и слова.

– Ты меня слышишь? – осведомилась Ритусик. – Наверняка слышишь и молчишь. Вот видишь, ты уже пытаешься испортить мне настроение. А так нельзя, это неправильно, не по-мужски, в конце концов!

– У тебя кто-то есть? – с трудом разлепив губы, произнес Юрка.

– Юрочка, это неправильно, – промурлыкала Ритусик, – мы ведь уже не пара, а значит, ты такие вопросы задавать мне не должен. Ты ведь не моя подружка.

– А-а-а, – только и смог вымолвить Юрка.

– Если тебе станет легче, знай, что пока мы были парой, у меня никого другого не было, потому что это тоже неправильно, – поделилась ценной информацией Ритусик, – а теперь, поскольку я человек совершенно свободный, нет никаких препятствий для того, чтобы кто-то появился.

– А-а-а, – вновь вырвалось изо рта у Юрки.

– Ну хорошо, – подытожила Ритусик, – раз мы с тобой все обо всем сказали, то давай пожелаем друг другу удачи и на этом будем прощаться. А то, представляешь, у нас мужчины в офисе решили корпоратив с самого утра закатить. Еще одиннадцати нет, а они уже шампанское открывают. Все, Юрочка, прощай. Я тебе желаю хорошо провести выходные и поскорее найти новую работу.

Ритусик замолчала, и Юрка понял, что, по ее мнению, он должен пожелать ей что-то в ответ.

– Почему? – наконец собрался он с силами. – Почему так?

– Юрочка, если все пытаться объяснить, то мы проговорим кучу времени и все равно не поймем друг друга, – послышалось в трубке. – Помнишь, я как-то заезжала к тебе на работу и прождала тебя целый час?

– Я же не виноват, – торопливо начал оправдываться Юрка, – ты же сама видела, какой форс-мажор тогда приключился.

– Не в этом дело, – неожиданно строгим голосом отозвалась Ритусик. – Форс-мажор я ваш видела, это нормально. Ненормально, что каждый, кто к тебе ни обратится, зовет тебя Юрка.

– А как они меня должны звать? – оторопел Юрка.

– Юрка! – почти выкрикнула Ритусик. – Юрка! Тебе уже тридцать лет, а ты для всех Юрка. И самое главное, ты для себя тоже Юрка. Только пойми, Юрочка, Юрка – это для мальчика хорошее имя, для студента. Но я ведь не могу создавать семью с мальчиком. А если этот мальчик никогда не повзрослеет, что я тогда буду делать?

Юрка хотел было ответить, что он взрослеет, что он уже повзрослел, а то, что это не всегда замечают окружающие, так это исключительно в силу привычки, да еще потому, что тридцать ему исполнилось совсем недавно, еще и двух месяцев не прошло. А еще виной всему его невысокий рост и не самое богатырское телосложение. Ну и, конечно, веснушки и упрямо сами собой завивающиеся в кольца рыжие волосы. Конечно, трудно воспринимать взрослым того, кто выглядит как студент-первокурсник. Но разве это так плохо? Быть молодым – это же здорово! Он уже открыл было рот, как услышал в телефоне торопливый голос Ритусика:

– Все, меня зовут уже. Я побежала. Не грусти и обещай, что не будешь сильно напиваться. Не будешь?

– Нет, конечно, – промямлил Юрка.

– Вот и молодец, – одобрила Ритусик и, издав на прощание громкий чмокающий звук, отключилась.

– Нормальный такой день получился, – растерянно пробормотал Юрка.

Некоторое время он еще стоял на ступенях супермаркета, бессмысленно глядя на погасший экран смартфона, пока не почувствовал, что начинает дрожать от холода. Торопливо перескочив через последние две ступеньки, отделяющие его от входа в магазин, Юрка зашел внутрь и устремился вглубь торгового зала.

– Суббота, – вновь простонал Юрка, пытаясь разогнать все ускоряющийся хоровод воспоминаний о вчерашнем дне, от которого у него уже начинала кружиться голова, а в глазах замелькали черные точки, – что ж мне с тобой делать, суббота?

Не придумав ничего, достойного траты сил и времени, Юрка потащился обратно в спальню, где вскоре, дождавшись спасительного действия таблеток обезболивающего, благополучно заснул. Проснулся он несколько часов спустя от назойливых, почти непрерывных звонков в дверь. В очередной раз не найдя тапочки, Юрка в одних трусах поплелся в прихожую, вяло матеря соседей, которым в это субботнее утро зачем-то понадобилось его побеспокоить. В том, что, кроме соседей, так рано объявиться никто не мог, Юрка был уверен абсолютно. Все его приятели, а таковых, собственно говоря, было совсем немного, фанаты компьютерных игр, редко ложились спать раньше двух, а то и трех часов ночи, предпочитая отсыпаться в субботу до самого обеда. Ждать визита кого-то из бывших коллег было просто глупо. Оставался только один вариант... Ритусик?

Юрка ускорил шаг, на ходу поправляя сползшие вниз трусы. Конечно, Ритусик видела его и без них, причем не один раз и, как правило, всем увиденным оставалась довольна, но ведь нельзя же прямо так, на пороге. Вернее, можно, но не сегодня. Все же сперва она должна извиниться, а вот потом.

Чувствуя нарастающее возбуждение, Юрка отщелкнул замок и торопливо распахнул дверь.

– Я тоже рад тебя видеть, – хмыкнул отец, разглядывая топорщащиеся Юркины трусы.

– Ты? – глупо улыбаясь, пробормотал Юрка. – Ты откуда?

Он отступил чуть в сторону, пропуская нежданного гостя в квартиру.

– Тебя что именно интересует? – Пройдя в прихожую, отец бросил на пол сумку и начал стаскивать с себя ботинки. – Если только что, то из такси, двадцать минут назад из электрички, а еще часом раньше из Желябино. Надеюсь, в события пятидесятилетней давности мне углубляться не обязательно?

На самом деле Юркиному отцу было пятьдесят шесть. Он работал зоотехником на свиномкомплексе, расположенном в нескольких километрах от небольшого городка Желябино, до которого от Среднегорска надо было добираться почти час на электричке либо минут сорок на машине, если только удавалось избежать традиционных пробок на выезде из города. Машины у Дмитрия Александровича не было, а была не самая лучшая, по мнению Юрки, привычка неожиданно приезжать погостить к сыну. Привычка эта у Дмитрия Александровича усилилась после смерти жены, матери Юрки, которую в Желябинской районной больнице почти год лечили от язвы желудка. Вылечить несуществующую язву, как и обнаружить вполне себе реальную опухоль, районным медикам не удалось. Случилось это, правда, еще шесть лет назад, так что с тех пор горечь утраты у овдовевшего свиновода, да и у самого Юрки несколько притупилась, но все же, приезжая к сыну и откупоривая привезенную с собой бутылку самогона, Дмитрий Александрович традиционно произносил первый тост стоя:

– Ну, за мамку нашу! Пусть там ей будет лучше, чем нам здесь.

Вслед за этим рюмки незамедлительно наполнялись повторно, и звучал второй тост:

– Ну, чтоб нам здесь было не хуже, чем ей там!

Обычно к тому моменту, когда бутылка опустошалась, и Юрке и Дмитрию Александровичу было действительно хорошо.

Пару раз Юрка пробовал выяснить у отца, для чего тот приезжает к нему с завидной регулярностью, как правило, раз в два месяца, при этом по городу не гуляет, из квартиры никуда не выходит, а, проведя вечер в битве с литровой емкостью горючего зелья, на следующий день до обеда отсыпается и уезжает обратно в Желябино.

– Тебе там что, выпить не с кем? – В коротких перерывах между тостами Юрка пытался уловить логику отцовских действий.

– Почему не с кем? – Отец удивленно пожимал плечами. – У нас в поселке знаешь какое поголовье? И каждый второй со мной готов раздавить бутылочку.

– Я не понял, это ты сейчас про свиней говоришь? – силился понять отца Юрка.

– Дать бы тебе ремня как следует, – беззлобно укорял его в ответ Дмитрий Александрович, в очередной раз наполняя рюмки. – Что ж ты односельчан моих свиньями кличешь? Нормальные мужики, когда трезвые. По пьяни, конечно, да. – Он опрокидывал в рот рюмку и на мгновение застывал неподвижно, зажмурившись; должно быть, перед глазами его проносились образы деревенских собутыльников. – Ну так по пьяни и ваши городские, поди, не лучше будут. Только я думаю, ежели их рядом поставить и наливать равномерно...

– Кому? – вновь перебил отца Юрка.

– Вашим, городским. И нашим, поселковым. Так вот, я тебе скажу, наши-то ваших покрепче будут. – Отец энергично заработал вилкой, отправляя в рот одну за другой порции квашеной капусты, которую он тоже всегда привозил с собой в трехлитровой стеклянной банке. – Просто, знаешь, иногда хочется посидеть культурно, вдохнуть в себя городской жизни.

Подойдя к окну, Дмитрий Александрович распахнул форточку и с наслаждением на лице сделал несколько глубоких вдохов.

– Хорошо! Бензином пахнет. Машины вон мчатся. У нас, конечно, на мехдворе тоже соляркой прет, особенно когда уборочная или посевная. Но только трактор, он ведь так не прошмыгнет. Я пробовал. Скорости у него не хватает.

– То есть, если бы мимо тебя по полю трактора мчались вперемешку с комбайнами, ты бы не приезжал, там пил, – догадался Юрка.

– А что, красиво было бы. – Отец еще раз набрал полные легкие пахнущего выхлопными газами воздуха и захлопнул форточку.

На этом Юркины попытки понять смысл отцовских визитов, как правило, заканчивались. Он молча придвигал свою рюмку, опустошал ее и придвигал снова. В конце концов, если уж надо напиться, то почему бы не сделать этого с родным отцом, который, надо заметить, не пытается учить его жизни и не задает глупых вопросов, наподобие «А когда же наконец ты меня порадуешь внучатами?».

Однако сегодня Юрке, еще не успевшему в полной мере избавиться от последствий вчерашнего чрезмерного употребления алкоголя, пить с отцом совсем не хотелось. К тому же отец обычно приезжал во второй половине дня, а здесь вдруг притащился до полудня и явно был готов незамедлительно приступить к застолью. Единственно, что можно было бы себе позволить, так это бутылочку пива. Может, две. Да, две будет в самый раз, но не больше.

– Хорошо. – К Юркиному удивлению, отец спорить не стал. – Начни с пива.

Умывшись, приведя себя в относительный порядок и спустив, наконец, воду в унитазе, Юрка сходил в магазин, а вернувшись, обнаружил, что отец уже успел начистить картошки и теперь хлопочет возле шкворчащей сковородки.

– Быстро ты управился, – не смог удержаться от похвалы Юрка.

– Это ты ноги медленно переставляешь, – усмехнулся в ответ Дмитрий Александрович. – Давай сюда пиво, я тебе по-культурному, в стакан налью.

Должно быть, как уже позже догадался Юрка, отец налил ему в стакан не только пиво. Измученный похмельем организм почти не различал вкусы, а посему Юрка сперва не заметил никакого подвоха и, лишь допивая вторую бутылку пива, констатировал очевидное:

– Что-то развезло меня, с пива-то.

– А ты не пей! – Отец решительно отобрал у него стакан. – Не пей больше эту гадость. С нее потом только брюхо бурлит да пучится. На вот тебе лучше рюмочку. Сейчас опрокинешь, оно сразу и полегчает.

Юрке показалось, что в словах отца нет логики, но и сил спорить у него тоже не оставалось. Опрокинув в рот самогон и ощутив прокатившееся по телу тепло, он удивленно кивнул:

– Надо же, и вправду лучше стало.

– Скажи-ка мне, сынок, пока тебе совсем не похорошело, – отец вновь протянул руку к бутылки, – что за диво дивное у тебя в спальне висит? Уж больно на автомат похоже. Неужто настоящий?

– Да какой-то там, – Юрка увидел, что отец вновь налил ему самогона, но всякое желание возражать отчего-то пропало, – имитация. Я с ним на страйкбол иногда езжу.

– Страйкбол, – Дмитрий Александрович озадаченно почесал за левым ухом, – это когда народ собирается и в друг дружку резиновыми пулями шмаляет?

– Пластиковыми, – уточнил Юрка. – Между прочим, психологи очень рекомендуют для снятия стресса. Все негативные эмоции выплеснуть можно.

– Я обычно в сортире выплескиваю, – отец снисходительно улыбнулся, – но ты, если хочешь, приезжай к нам на ферму. Я тебе свинью дам зарезать. Пока справишься, точно весь негатив выплеснешь, заодно узнаешь, откуда сало берется. Поедешь?

– На этой неделе точно не получится, – торопливо отозвался Юрка, представив себя стоящим посреди огромного пустого свинарника с окровавленным кухонным ножом в руках и отчего-то голым, – дел у меня сейчас много.

Глава 3, в которой двух следователей пытаются посадить в один вертолет

– Значит, всю правду, – повторил Сергеевич, – и обо мне.

– Именно, – подтвердил Хованский.

– Интересно знать, кто все это придумал, – вздохнул Иван Юрьевич. – Представляешь, я ведь сам с ними лететь собирался, да в последний момент ухитрился спину потянуть. Вот дома и остался. А то ведь мог бы сидеть сейчас вместо Зарецкого да рубить правду-матку.

– Так что, я высылаю группу захвата? – прервал рассуждения губернатора Хованский. – Им полчаса на сборы, час лету, через полтора часа уже высадятся на месте. У них еще запас времени приличный будет.

– Не торопись, – задумчиво отозвался Сергеевич. – Ты вообще уверен, что это все не розыгрыш? Они ведь там уже четвертый день. С пьяных глаз еще не то сочинить можно. Глядишь, проспят, выяснится, что ничего и не было. Эта девица, она с чего вдруг именно тебе решила звонить? Ты ее хорошо знаешь?

– В некотором роде, – хмыкнул Дмитрий Романович, вновь воровато оглядываясь в сторону лестницы. – Проверенный человек.

Посвящать Сергеевича в подробности своих довольно длительных отношений с Аллой генерал счел излишним. Не стал он рассказывать и о том, что отношения эти сошли на нет после перенесенного два года назад инфаркта, когда спасший Хованского врач настоятельно не рекомендовал ему впредь мешать валидол с виагрой, а тем более запивать таблетки шампанским. Умолчал Дмитрий Романович и о том факте, что именно благодаря его протекции Алла получила достаточно необременительную и неплохо оплачиваемую должность личного секретаря у Зарецкого.

– Мне вот только интересно, – проявил необыкновенную пронизательность Сергеевич, – как это проверенный тобою человек под боком у Зарецкого оказался? Ты что же, к Олежке лазутчиков засылаешь? Или вы с ним ближе знакомы, чем я до сих пор думал?

– Так ведь не Москва, город маленький, все друг друга знают, – уклонился от прямого ответа Хованский, предпочитавший на людях изображать пренебрежительное и даже агрессивное отношение к адвокату, чьими консультациями по некоторым щепетильным вопросам он на самом деле пользовался уже давно.

– Ну да, ну да...

Губернатор не стал настаивать на более подробном ответе. Помолчав несколько секунд, он вдруг задал вопрос, кардинально переменивший направление разговора:

– А что, может так получиться, что твоя эта группа захвата прилетит, но Зарецкого спасти не успеет?

«Это с чего вдруг?» – уже почти было сорвалось с языка Дмитрия Романовича, как вдруг уже раскрывшиеся его губы замерли, словно в одно мгновение охваченные параличом.

– Захват – дело такое. Непредсказуемое, – наконец подобрал обтекаемую форму ответа Хованский. – Но ведь какие будут последствия? Вы себе представляете?

– Я себе представляю, что Зарецкий может наговорить, – холодно отозвался Сергеевич. – Он обладает некоторой информацией, которая ни в коем случае не может быть озвучена публично. А, как я понимаю, именно это сейчас и происходит.

– Да, но от того, что группа захвата не справится с заданием, ничего не изменится. Информация будет уже озвучена. А слушателей там человек десять, если не больше. Мы же не сможем по возвращении засадить их всех в клетку, а рты заклеить.

– Да? Жаль, что у правоохранительных органов столь ограниченные возможности. – Иван Юрьевич задумчиво вздохнул. – Понимаешь, Дмитрий, в чем дело, даже если эти люди и узнают то, что им знать не положено, первоисточником все равно останется наш уважаемый адвокат. А если первоисточник исчезнет, то информация, хоть и не обнулится полностью, во многом потеряет свою достоверность. Во всяком случае, проверить ее будет почти невозможно.

– Я не думаю, что это хорошая идея. Убийство всегда привлекает к себе внимание. К тому же в расследование будет вовлечена такая куча народа, что через неделю весь город будет в курсе ваших секретов. Мне кажется, вариант, когда никто не погибнет, выглядит симпатичнее. Наши парни прилетают, всех оттуда выдергивают, а здесь на месте Зарецкий всем популярно объясняет, что нес всяческую ахинею, лишь бы потянуть время. Ну а я дополнительно намекну, что все остальные трактовки произошедшего приветствоваться не будут. Не сам, конечно, но у меня есть кому поручить.

– Прилетают, выдергивают. – Судя по голосу губернатора, предложение собеседника его не очень устраивало. – Давай, Дима, все же сделаем по-другому.

* * *

– Ну что, всякую ерунду я вам уже рассказал. – Зарецкий облизал пересохшие губы и пожаловался невидимым слушателям: – Пить охота, сил нет никаких. Вот у нас всегда так. Бомбу под человека подложить могут, а какую-нибудь автопоилку для него сконструировать – это уже проблема. Ладно, теперь, Стасик, слушай ты. Внимательно слушай. Потому как то, о чем я тебе сейчас рассказывать буду, даже под страхом смерти говорить трудно. Потому как стыдно. За все остальное, честно скажу, не стыдно. Ни грамма. Что, хотите сказать, вы обо мне много нового за последний час узнали? Ерунда! Ничего нового я вам не открыл. Вы всегда все отлично представляли, что я за человек, а это так, детали. Мелкие подробности. Сейчас другое будет. Хотя изначально тогда тоже все в деньги упиралось. Ты уже, Стас, должно быть, сам многое позабыл. Сколько уже прошло, четверть века почти? Я сейчас про твой развод с Дарьей говорю.

– Двадцать четыре, – после некоторой заминки послышался настороженный голос, – хотя, да, двадцать пять уже. А что, с этим разводом что-то не так?

– Да все там не так, – фыркнул адвокат. – Или ты уже запомнил, чем все это для Дашки закончилось?

– Она сама виновата. – Тон собеседника резко сменился. – Или что, ты хочешь сказать, это я толкнул ее под поезд?

– Тут же как посмотреть, Стасик. – Олег Владиславович устало закрыл глаза. – Человек ведь многое делает вроде сам, а вроде и не по своей воле. Ты говоришь, сама она виновата? Может, и так. Вот только один вопрос: в чем она виновата?

Демонстрируя всем своим видом недовольство, Изотов забросил сумку с вещами на заднее сиденье «лендкрузера» и с силой захлопнул дверь внедорожника.

– Мне кажется, или ты, Витюша, чем-то недоволен? – ехидным тоном осведомился Хованский.

– Я счастлив. Безмерно, – буркнул в ответ полковник. – А жена-то моя как рада, ты не представляешь. Меня этой радостью чуть до смерти не придавило. У нас что, война началась, всеобщая мобилизация?

– Около того. – Начальник управления до упора утопил в пол педаль газа. – Насчет мобилизации ты прям угадал. Только не всеобщая, а лучшие из лучших. Сливки сливок!

– И куда ты нас на этот раз сливать собираешься?

– Шикарное место, Витюша. Ты наверняка не был, но тебе точно понравится. ОТЕЛЬ «Ковчег», слышал про такой?

– Это где-то в горах? – напряг память полковник.

– В самых что ни на есть, – подтвердил Дмитрий Романович, проскакивая перекресток на загорающийся красный свет. – Хорошо, народ дрыхнет по случаю праздника, дороги пустые. Так вот, до этого «Ковчеха» всего километров двести по прямой. Только в чем вся красота – дорог туда нет. Он за Каменным перевалом на южном склоне. Какая там у нас главная вершина?

– Хрустальный?

– Именно! Пик Хрустальный. Вот там все это дело и находится. Диспозиция такая. Группа товарищей, причем очень солидных товарищей, отправилась туда отдохнуть в уединённой, так сказать, обстановке.

– Пешком, что ли? – удивился полковник. – Сейчас же в горах снегу по пояс.

– Я же сказал, товарищи солидные, – усмехнулся Хованский. – Они и здесь-то пешком не ходят, а туда их вертолетом закинули. В это место, собственно говоря, только так все и добираются. Слушай дальше. Среди этих граждан был, вернее, пока имеется, такой адвокат – Зарецкий Олег Владиславович. Если ты не в курсе, доверенное лицо нашего губернатора. Губернатор сам собирался лететь со всей этой компанией, но в последний момент у него не сложилось.

– А что так? – У Изотова тут же сработало профессиональное любопытство.

– Это не важно, Витя. – Дмитрий Романович укоризненно вздохнул и крутанул руль, входя в поворот на полной скорости. – Сергеевич для тебя закрытая тема. Усек?

– Усек, – пробормотал, вжимаясь плотнее в кресло, полковник.

– Теперь самое интересное. Сегодня утром кто-то, неизвестно кто, запер всех постояльцев в номерах, а самого Зарецкого вроде как примотали к креслу скотчем и заминировали.

– Вроде как? – переспросил Изотов. – То есть это пока не точно?

– Не знаю, – признался Хованский. – Я ведь сам не видел. Никто не видел. Я же говорю, все по номерам заперты. Ну и Зарецкий у себя сидит прямо на коробке с пиротехникой.

– Тогда откуда вообще вся эта информация?

– Оттуда. В этом «Ковчеге» все номера устройствами конференц-связи оборудованы.

– А это вообще кому понадобилось? – удивился Изотов.

– Еще года три назад установили. Или четыре. По-моему, как раз родители Сергеевича там отдыхали, с такими же пенсионерами, как они сами. Вот для них и оборудовали, чтоб, ежели вдруг здоровье прихватило и из номера выходить сил нет, можно было со всеми остальными общаться. А потом, я тебе скажу, удобная штука. Вот представь, лежишь ты у себя в кровати и со всеми разом языком чешешь, пока не отрубись.

– Ну если так сильно чешется, то конечно, – еле слышно пробормотал полковник. – То есть я правильно понимаю, Зарецкий сейчас со всеми через эту конференц-связь как раз и общается?

– Правильно ты, Витя, все понимаешь, – кивнул Хованский. – Только вся штука в том, что он не просто общается. Тот, кто его задницей на взрывчатку усадил, дал ему три часа времени, чтобы рассказать все секреты, какие он только знает. Причем не только о себе, но и обо всех, кто там собрался. А самое главное, о том, кто собирался, но не приехал. Мысль улавливаешь?

– Начинаю, – нахмурился Изотов. – То есть, возможно, от Зарецкого хотят получить компромат на губернатора.

– Почти так, – вновь кивнул генерал. – Слово «возможно» выкинь, и будет все верно.

– А он есть, компромат этот?

– Витя! – нервно рассмеялся Хованский. – Он же не архангел Гавриил, он губернатор. Ему по должности положено сидеть по уши в дерьме. Главное, уши не перепачкать.

– Это еще почему? – Полковник не уловил логику рассуждений своего шефа.

– А потому, Витя, что когда придет нужное время, а когда оно придет, не знает никто, большой человек из Москвы возьмет нашего дорогого губернатора за ушко и аккуратненько так выдернет. Причем куда выдернет, заранее предсказать тоже трудно. Бывает, что и на повышение, но это на самом деле редко, а скорее всего, просто выдернет, а на его место в образовавшуюся ямку воткнет другого.

– Тоже по уши, – хмыкнул Изотов. – А вот этот большой человек из Москвы, это неужели сам...

– Да ты что, окстись, – торопливо перебил подчиненного генерал. – Сам такой ерундой не занимается. Да и вообще, он физически все успеть не может. Одних только губернаторов по стране восемь десятков. Разве один человек всех проконтролирует? Для этого есть кураторы. Несколько человек с душой работает, несколько с губернаторами, кто-то с правительством. Так вот, возвращаясь к теме, наш дорогой Иван Юрьевич прилагает все усилия для того, чтобы укрепить отношения со своим куратором, а Зарецкий в курсе некоторых подробностей этого, так сказать, укрепления.

– И теперь эти подробности могут выплыть наружу.

– Возможно, уже выплыли, – вздохнул Хованский, – но, слава богу, с «Ковчега» пока не уплыли. Там мобильная связь не работает. Только по спутнику. Со мной, собственно говоря, так на связь и вышли. Это, конечно, не точно, но вроде больше спутниковых телефонов там ни у кого нет. Во всяком случае, других звонков не поступало. Ни в полицию, ни спасателям. Поэтому, Виктор, твоя задача – не допустить распространения информации.

– И как же я это сделаю? Всем языки поотрываю? – удивился полковник.

– Если бы, Витя, все это было так просто. – Дмитрий Романович печально вздохнул и в очередной раз миновал перекресток на запрещающий сигнал светофора. – Угораздило же вас в разных концах города поселиться! Твоя задача – выяснить, вел ли кто запись того, что наговорил Зарецкий. Сотовой связи там нет, а телефоны у каждого, может, и не по одному. Все записи, сколько бы их ни было, надо найти и изъять.

– Так ведь все равно, – недоумевающе пожал плечами Изотов, – как люди вернутся в город, информация начнет расходиться кругами.

– Нет, Витя, – отрывисто бросил Хованский, не переставая лавировать из ряда в ряд. – Что у этих людей будет? Слова? Слова – это слухи. А информация – это то, что ты должен будешь обнаружить, изъять и передать мне по возвращении.

– А что, кто все это устроил, нас не интересует? – еще больше удивился полковник.

– Нас, Витя, все интересует, – подмигнул подчиненному Дмитрий Романович. – Но, чтобы не отвлекать тебя от выполнения основной задачи, поисками преступника займется Лунин.

– Кто? – буквально взвился под потолок Изотов. – Романыч, ты что, думаешь, я с ним вместе работать буду? Да я с ним в одном поле не сяду...

– Ой, – ухмыльнулся Хованский, – ты от него через два кабинета сидишь и ничего, как-то терпишь. А сейчас на вертолете вместе полетаете, в горах пару дней поживете, и вовсе друзьями заделаетесь. Колаба у вас будет.

– Кто будет? – растерялся полковник.

– Я смотрю, далек ты от современных трендов, – насмешливо хмыкнул Дмитрий Романович. – Колаба. Коллаборация.

– Если честно, яснее не стало, – угрюмо пробормотал Изотов.

– Это навроде как дуэт, – снисходительно объяснил генерал, – когда двое поют, только у одного нет голоса. А то и у обоих разом.

– И что, по-твоему, в нашем случае?

– А вот мне самому интересно, – Хованский бросил короткий взгляд на все больше мрачающегося Изотова, – даже боюсь прогнозы делать.

– Дмитрий Романович, – голос полковника обрел неожиданную твердость, – я вам официально заявляю: работать в паре с Луниным для себя возможным не считаю.

– Витя, ты телевизор сегодня не включал? – Хованский болезненно поморщился.

– Как-то не до него с утра было. – Неожиданная смена темы разговора сбила полковника с толку.

– Может, тогда в телефоне глянешь, – Дмитрий Романович вновь скривился, словно от внезапной зубной боли, – на сегодня бури магнитные не обещали? А то, представляешь, у меня слуховые галлюцинации. Вот сейчас только послышалось, что ты со мной споришь. Причем дерзко так, решительно. Мне даже понравилось. Я сперва чуть было не поверил, что это все на самом деле происходит. Хорошо, потом догадался, что такого в принципе быть не может.

– Не может быть, чтобы я спорил? – насупился Изотов.

– Не может быть, чтобы мне это нравилось. Мне, Витя, вообще не нравится, когда подчиненные со мной спорят, пусть даже это кто-то из старых друзей, с кем я двадцать лет в бане парюсь. Но ты, Витя, глянь по сторонам, протри окуляры! Здесь и близко парилкой не пахнет. Здесь пахнет такими неприятностями, от которых вообще ни одна баня не отмоеет. И дело вовсе не в этом чертовом адвокате и даже не в Сергеевиче. Дело в том человеке из Москвы, Витя. Кто бы он ни был, он с этой истории соскочит, поверь мне. Но вот то, что имя его почем зря здесь мельтешить будет, этого он не простит. Ни Сергеевичу, будь он неладен, ни нам, поскольку нам задача поставлена, чтобы все было тихо. Ты помнишь, что тебя на пенсию можно хоть сегодня отправить?

– Даже так? – мгновенно потеряв напористость, отозвался Изотов.

– Даже так, Витя. Меня, само собой, тоже, если тебе от этого станет легче. Пойми, вопрос очень щепетильный, поэтому доверить могу его только тебе. А Лунин будет разбираться со всем остальным. Ты как в этот раз, при оружии?

– При оружии, – хмуро кивнул полковник, уже поняв, куда клонит Хованский.

– Если хочешь, могу сказать Лунину, чтобы на этот раз он твой пистолетик руками не трогал. Надо?

– Что-то не шибко он до сих пор к твоим наставлениям прислушивался, – угрюмо отозвался Изотов.

– Ну так уже сколько времени прошло, – почти не сбавляя скорости, Хованский свернул во двор жилого дома, – почти полгода. Вдруг поумнел.

Высокая массивная фигура отделилась от одного из подъездов и шагнула на край тротуара. Плавнов сбавив скорость, «лендкрузер» остановился, и мужчина тут же распахнул заднюю дверь.

– Господи, Лунин, ты еще и собаку с собой притащил, – демонстративно жалобно простонал полковник.

* * *

– Ну что, считай, в чем мог – покался, что знал – рассказал. Что вам еще может быть интересно? – Обессиленный Зарецкий говорил совсем тихо, иногда слова сливались вместе и становились трудноразличимы. – Ах да, Сергеевич! Совсем он у меня из ума выскочил. Ну что же, расскажу вам и о Сергеевиче. Только, – слезящимися глазами адвокат уставился в собственное отражение в зеркале, – вы уж не обманите меня. Отпустите! Я ведь вам все, как есть, всю правду выложил. Все нутро из себя извернул. Отпустите? А?

– Говорите, Олег Владиславович, – послышался из динамика равнодушный голос, – у вас осталось не так много времени. Хотите жить, рассказывайте подробно.

– А потом? – настаивал Зарецкий. – Что будет потом?

Несколько мгновений динамики молчали.

– Могу сказать, что сейчас ваши шансы на спасение выше, чем два часа назад. Продолжайте, Олег Владиславович. Ваша жизнь в ваших руках, хотя в данном конкретном случае будет правильнее сказать, что она у вас во рту. Так что продолжайте, мы все внимательно слушаем.

– Ну хорошо, – сдался Зарецкий, – я скажу. Все скажу.

Глава 4, в которой Лунин наконец оказывается на месте преступления

Ми-8 вылетел почти на час позже, чем изначально рассчитывал Хованский. Это обстоятельство Дмитрия Романовича сильно настораживало, хотя он прекрасно понимал, что во многом сам был причиной задержки вылета. Собрав по городу живущих в разных районах следователей, он примчался в аэропорт лишь через сорок пять минут после того, как завершил разговор с губернатором Сергиевичем. Правда, затем еще изрядное количество времени было потрачено на непонятные хождения вокруг вертолета, которые оба пилота и примкнувшее к ним такое же количество техников упорно называли предполетной подготовкой. Лишь после ультиматума Хованского, заявившего, что если вылет не состоится немедленно, то сразу по возвращении экипаж будет незамедлительно задержан по подозрению в перевозке и хранении наркотических средств, процесс подготовки к полету был завершен.

Все же напоследок один из пилотов, очевидно не представляя, с кем именно имеет дело, ехидно осведомился:

– И как же ты, дядя, наркотики искать собирался, если у нас отродясь их не было?

– Тебя мама в детстве в цирк водила? – в тон ему отозвался Дмитрий Романович. – Фокусника тебе там показывали, как он из шляпы кролика достает? Вот и я могу фокус показать. У меня есть люди специально обученные, только они руку тебе не в шляпу засовывать будут, а в другое место. Пошарят там как следует, а потом и вынут героина граммов двести. Причем все при зрителях, как в цирке. Эти зрители затем еще в протоколе распишутся, в графе «понятые». Еще есть тупые вопросы? Тогда на взлет!

В ожидании вылета Лунин, получивший краткие инструкции от Хованского, предавался только ему ведомым размышлениям, уставившись в мутное стекло иллюминатора. Затем выбрался из кресла и подошел к сидящему через два ряда от него Изотову. Переложив сумку полковника на свободное место, он занял соседнее кресло.

– У нас здесь странный коллектив. Или я чего-то не понимаю? – Он наклонился прямо к уху удивленно повернувшегося к нему Изотова.

– Это точно, Лунин, ты много чего не понимаешь, – хмуро отозвался полковник. – А коллектив странный, это точно. Одно только твое присутствие чего стоит.

Илья смущенно вздохнул. Он понимал, что вряд ли когда-нибудь сможет рассчитывать на дружеское общение с Изотовым, но все же хотел разрешить имеющиеся у него сомнения.

– И все же. Мы как по делу работать будем? Ни оперативников, ни экспертов. А если этого Зарецкого уже подорвали?

– Не должны пока. – Изотов бросил быстрый взгляд на левое запястье. – Еще полчаса в запасе. Если повезет, успеем застать.

– И что? – продолжил допытываться Лунин. – Кто его разминировать будет? Мне что-то кажется, саперов здесь тоже нет.

– Сапер есть, успокойся, – раздраженно бросил в ответ полковник. – Сапер и группа захвата. Собственно, больше никого и не требуется. Понятно?

– Понятно, – кивнул Илья. – Непонятно, чего их так много. Мы что, отель будем брать штурмом?

– Мы будем в отеле проводить обыск, – неохотно ответил Изотов. – Силами спецназа. Под моим руководством. Теперь уяснил?

– А что, оперативников для этих целей уже не привлекают? – удивился Илья.

– В данном случае – нет, – рявкнул Изотов, – потому что у них, Лунин, есть один большой недостаток, как и у тебя. Они слишком много вопросов задают.

– А вопросы, значит, задавать нежелательно? – Илья сделал вид, что не замечает раздражения собеседника.

– Именно, Лунин, – успокаиваясь, кивнул полковник, – именно так. В этом деле чем меньше вопросов, тем спокойнее.

Илья немного помолчал, осмысливая услышанное, затем любопытство все же взяло верх.

– Слушай, а что за спецназ такой странный? Ни одного лица знакомого, они, что, не от УВД?²

– Не от УВД, – буркнул Изотов.

– А от кого? – проявлял все большую любознательность Лунин.

– Понятия не имею. Что, в области мало спецназов? И внутренние войска, и гвардия, и кого только нет. Тебе какая разница?

– А что искать будем? Думаешь, еще где-то может быть взрывчатка?

– Типун тебе на язык, – с отчаянием махнул рукой Изотов. – Телефоны искать будем.

– Телефоны? – зачем-то переспросил Илья, прекрасно расслышавший ответ Изотова.

– Телефоны, диктофоны, флешки. Все подряд. Все носители информации, какие есть. Я только не очень представляю, как в здоровенном здании можно найти спрятанную флешку или карту памяти. А ведь еще вокруг территория. Можно под любым камнем спрятать.

Рокот вертолетного двигателя и шум вращающихся лопастей к явному облегчению полковника прервали его общение с Луниным.

– Вот и все. Все, что я знаю. Больше рассказывать нечего.

Мертвенно-бледное лицо Зарецкого превратилось в застывшую маску отчаяния. Губы его уже почти не шевелились, отчего все слова превращались в едва различимый поток звуков.

– Уже сто семьдесят семь. Три минуты! Осталось три минуты! Почему вы не выключаете? Мне нечего больше сказать. Выключите таймер! Я прошу, я прошу вас. Выключите его!

– Вовсе не надо так нервничать!

Услышав такой знакомый, пусть и совершенно безразличный голос в динамике, адвокат на мгновение ожил. На щеках его проступило слабое подобие румянца, а вырывающиеся изо рта звуки вновь превратились в некое подобие человеческой речи.

– Слава богу, вы меня слышите! Выключайте, выключайте его скорее!

– Сейчас, Зарецкий, имейте терпение, – отозвался голос.

Почти минуту ничего не происходило, за исключением того, что на маленьком электронном табло число 177 сменилось на 178.

– У нас проблема, – наконец констатировал голос. – Олег Владиславович, не хочется вас расстраивать, но, кажется, что-то слетело в настройках передатчика.

– Что значит – слетело? – попытался было возмущенно выкрикнуть Зарецкий, но изо рта его вырвался лишь жалобный, почти неслышимый шепот. – Я ведь все сделал, как вы хотели. Я же выполнил наш уговор! Выключите, выключите эту штуку. Не убивайте меня!

– Конечно, есть вариант, что я зайду к вам в комнату и отключу устройство на месте, – вновь ожил динамик, – но знаете, меня он не устраивает. Я не хочу, чтобы вы меня увидели, Олег Владиславович. Так что, еще раз извините, ничем не могу вам помочь. Прощайте.

– Как – прощайте? – тело Зарецкого едва заметно содрогнулось, что означало последнюю беспомощную попытку освободиться. – Вы же не можете сделать этого! Вы же не сделаете. Вы же не убьете меня!

Из глаз обессиленного адвоката потекли слезы. Значение таймера перескочило на 179.

---

² УВД – управление внутренних дел, областное управление полиции.

– Не убивайте... меня... пожалуйста.
Ответом ему было молчание.

– Все! – крикнул Изотов и постучал по циферблату.

Илья взглянул на часы. Отведенное Зарецкому время уже истекло, а вертолет с группой захвата едва успел обогнуть вершину и теперь заходил на широкий круг над южным склоном горы Хрустальной. Сквозь толстое стекло иллюминатора можно было хорошо рассмотреть несколько приземистых деревянных зданий и возвышавшуюся посреди них двухэтажную гостиницу. Несколько в стороне, метрах в двухстах от остальных построек, стояла еще одна небольшая избушка. Со слов Изотова, который в свою очередь получил ценную информацию от генерала Хованского, в избушке располагалась баня, находившаяся на самом берегу небольшого горного озера с чистой, абсолютно прозрачной водой. Правда, сейчас озеро было еще замерзшим, а поверхность его укрыта снегом, чистейшим, таким, который невозможно встретить в городе, да еще в марте.

Над всем этим великолепием поблескивала на солнце, оправдывая свое название, горная вершина, норовя проткнуть острием проплывающее по небосводу одинокое, должно быть, сбившееся с пути облачко.

Примерно посредине между гостиничным комплексом и вершиной из абсолютно гладкого, усыпанного снегом склона туканьим клювом чернел мощный скалистый выступ, настолько широкий, что на нем тоже можно было бы расположить какую-нибудь избушку.

– Я знаю! – крикнул полковнику Лунин и, увидев безразличие на лице сослуживца, уточнил: – Я знаю, как искать твои телефоны.

– Как? – тут же заинтересовался Изотов.

Лунин похлопал себя по ушам, давая понять, что почти ничего не слышит.

– Сядем, объясню.

Изотов кивнул.

Несколько минут спустя вертолет коснулся земли. Приземление оказалось чуть жестче, чем ожидал Илья, и он непроизвольно стиснул пальцами рукоятки подлокотников. Сидевшая у него на коленях Рокси сильнее прижалась к своему хозяину и заскулила. Какое-то время вертолетные лопасти еще продолжали свой бешеный хоровод, но постепенно их движение замедлилось, а затем и вовсе наступила долгожданная тишина.

– Ну что, пакуем жестко? – поднялся с места сидевший рядом с кабиной пилотов майор – командир спецназовцев.

– Нет, парни, пока никого не пакуем, – торопливо вскочил с места Изотов. – Надо сперва понять, что здесь вообще творится.

– И стоило в такую даль тащиться, – разочарованно отозвался спецназовец. – Ну вы как чего поймете, так дайте знать.

– Непременно, – пообещал полковник и тут же повернулся к Лунину: – Так что ты мне обещал рассказать?

– Я? Обещал? – Илья удивленно нахмурился и на мгновение перестал почесывать за ухом лежащую у него на коленях болонку. – Ах да, обещал. Ты сразу обыск не устраивай.

– А когда? – непонимающе нахмурился Изотов. – Что, думаешь, при лунном свете сподручнее будет?

– При чем тут это? – поморщился Лунин. – Сейчас разберемся сперва, что там с Зарецким. Если он живой, то надо его как-то вытаскивать. Если уже нет, то все проще. Объявишь остальным, что всех в срочном порядке отсюда эвакуируют. Дашь пять минут на сборы. Когда погрузятся в вертолет, проведешь досмотр. Ну, или на площадке перед вертушкой. Я думаю, что если кто-то и делал запись, то обязательно возьмет с собой.

– А если он ее где-то здесь припрятал и собирается позже вернуться?

– Все может быть, – Илья флегматично пожал плечами, – но в таком случае ты носитель так и так найти не сможешь, это во-первых.

– А во-вторых? – поторопил его полковник.

– А во-вторых, здесь все же не профессиональные шпионы собрались. Вряд ли они ожидают, что тебя запись больше, чем покойник, интересует.

– А покойник на тебе, Лунин, – ухмыльнулся Изотов и с явной неохотой добавил: – Но мысль толковая. Ценю.

Дверь вертолета распахнулась, и один за другим бойцы спецназа стали выскакивать наружу. Лунин вышел последним, прижимая к себе настороженно притихшую Рокси, и тут же поежился. Несмотря на ослепительно-яркое солнце, было холодно, а пронзительный ветер отбивал всякое желание любоваться красотами горных пейзажей.

– А вот и встречающие.

Один из спецназовцев махнул рукой в сторону высящегося метра в двухстах от вертолета двухэтажного отеля, своей формой и впрямь несколько напоминающего натолкнувшийся на гору старинный корабль. На широком крыльце здания показалось несколько темных фигурок. Они призывно размахивали руками, а кто-то, очевидно самый смелый, даже сбежал вниз по ступеням.

– Пропустите. Дайте пройти!

Изотов торопливо двинулся вперед, намереваясь возглавить делегацию прибывших. Еще несколько человек спустились с крыльца и двинулись навстречу полковнику.

– Что у вас здесь творится? – перескочил стадию приветствия Изотов. – Что с Зарецким?

Вышедшие из дома люди растерянно переглядывались между собой, очевидно, каждый был готов уступить другому возможность отвечать на вопросы неизвестного.

– Убит? Что вы молчите? – В голосе полковника послышалась раздраженная нетерпеливость. – Где тело?

– Вот оно, ваше тело, – наконец отозвался один из мужчин, широкоплечий здоровяк лет пятидесяти, с красным, обгорелым, лицом. – Вон ковыляет.

– Зарецкий? – брови Изотова удивленно взметнулись вверх.

– Зарецкий, – негромко отозвался протиснувшийся вперед худощавый мужчина, – Олег Владиславович. С кем имею честь?

– Изотов Виктор Борисович, следственный комитет, – представился полковник. – Нам сообщили, что вас чуть ли не взрывать здесь собираются. Так что, никакого взрывного устройства не было? Или его отключили?

– Не было. Вы тоже разочарованы? – иронично усмехнулся адвокат и тут же, покачнувшись, потерял равновесие. Он наверняка бы упал, но в последнюю минуту его подхватил стоящий рядом краснолицый здоровяк.

– Спасибо, Стас, – попытался было поблагодарить его Зарецкий, но здоровяк раздраженно отмахнулся и, вновь приведя тело адвоката в вертикальное положение, отступил на шаг в сторону.

– Это рефлекс, не более того, – угрюмо процедил он. – Не надо обольщаться, Олег.

– Наличие здоровых рефлексов и делает нас людьми, – пробормотал Зарецкий.

– Олег Владиславович, – подхватив адвоката под руку, Изотов потянул его в сторону, – вы мне объясните ситуацию. Здесь вообще что-то происходило? Как мне сообщили, на вас было совершено в некотором роде нападение, вас пытались заставить разгласить, скажем так, конфиденциальную информацию. Это все верно?

– Верно, – подтвердил Зарецкий. – Напали, связали. Про само нападение ничего вам сказать не могу, спал как убитый. Проснулся, сижу в кресле привязанный. А из динамиков голос.

– Чей голос? – тут же перебил его полковник.

– Понятия не имею, – Олег Владиславович недоуменно развел руками. – Голос-то неживой был. Сейчас, насколько я знаю, программки такие есть, их даже на любой мобильник установить можно. Ты говоришь в микрофон, а твой собеседник слышит уже совсем другой голос. Искусственный. Можно выбрать на свое усмотрение, мужской или женский. Со мной вот, к примеру, женщина разговаривала.

– Я смотрю, вы неплохо разбираетесь в передовых технологиях. – Изотов оценивающе взглянул на стоящего перед ним адвоката.

– Ну что вы, у меня довольно скромные познания, – покачал головой Зарецкий, – я бы сказал, как у среднестатистического любителя покопаться в Интернете. А что, у вас появилась версия, что я сам организовал весь этот сеанс саморазоблачения?

– А сеанс, значит, состоялся? – уточнил полковник.

– Еще как, – Зарецкий вновь вяло усмехнулся, – теперь все присутствующие пылают ко мне столь пламенной любовью, что даже немного боязно становится. Как бы не испепелили.

– Ясно.

Словно ища поддержки, Изотов оглянулся на стоящего позади Лунина. Илья кивнул, давая понять, что самое время перейти к осуществлению предложенного им плана.

– Граждане, внимание, – напряг голосовые связки полковник, – в настоящее время данный отель и вся примыкающая к нему территория рассматриваются как место совершения преступления, поэтому дальнейшее нахождение здесь лиц, не принимающих участие в расследовании, недопустимо. Вам предоставляется десять минут на то, чтобы собрать свои вещи, после чего самим собраться на площадке перед вертолетом. Всем понятно, что надо делать?

– Секундочку! – послышалось откуда-то сверху.

Подняв голову, Илья увидел, как по ступеням крыльца медленно, тяжело опираясь рукой о перила, спускается невысокий худощавый мужчина. Крупный с горбинкой нос и темные, уже тронутые сединой волосы выдавали его кавказское происхождение.

– Я прошу прощения.

Прихрамывая, мужчина медленно подошел к Изотову, нетерпеливо переминающемуся с ноги на ногу.

– Я еще раз прошу прощения, что должен вам возразить, – немного скрипучий голос звучал почти без акцента, – но я никак не могу уехать. Как это все бросить? – Обернувшись, он махнул рукой в сторону «Ковчега». – Кто охранять будет? А кто топить? А если котел из строя выйдет?

– Так, гражданин, – быстро перехватил инициативу разговора полковник, – вы, прежде чем так много вопросов задавать, представьтесь для начала.

– Грачик, – неторопливо отозвался мужчина. – Я здесь управляющий.

– Грачик? – удивился Изотов. – А имя у вас имеется?

– Это и есть имя, – густые темные брови недовольно сомкнулись над переносицей. – Грачья Арамович, если вам так угодно. Корхмазян моя фамилия.

– Угу, – хмыкнул полковник, – я понял. Так вот, Грача Арамович.

– Грачья, – поправил его собеседник. – Лучше просто Грачик, так вам удобнее будет.

– Так вот, Грачья Арамович, – проигнорировал совет Изотов, – дискуссию разводить я с вами не собираюсь. Через десять минут все дружно погрузятся в вертолет и улетят. Если кто-то сам этого не сможет сделать, этому человеку помогут.

Полковник выразительно ткнул пальцем в сторону скользящих бойцов группы захвата.

– Помощников на всех хватит. Между прочим, – повысил голос Изотов, – это к каждому относится. Время пошло! Собираемся и на выход. Ну а вы, – полковник вновь подхватил Зарецкого под локоть, – пойдете со мной. Покажете ваши апартаменты.

Недовольно переговариваясь между собой, постояльцы отеля начали подниматься по ступеням. Последним, сильно ссутулившись и неуклюже припадая на левую ногу, шел Грачик.

– Может, проконтролировать? – Командир спецназовцев неожиданно возник за плечом Изотова. – А то будут сейчас по всему зданию бегать, мало ли чего.

– Не надо, – поспешил ответить за полковника Лунин. – Я думаю, если что-то хотели спрятать или уничтожить, то времени было вполне достаточно. Так что пусть спокойно собираются.

– Так ведь парни без дела маются, – разочарованно вздохнул майор, – да и потом, холодно на улице топтаться. Пусть хоть в гостиной пока подождут.

Илья отрицательно покачал головой, глядя на Изотова. Полковник отреагировал мгновенно:

– Холодно? Чего им холодно? Весна на дворе. Ждите здесь, сказано же, не надо людей нервировать, пусть соберутся спокойно.

Завершив дискуссию, полковник направился к дому, все еще придерживая за руку Зарецкого. Прежде чем последовать за ними, Илья наклонился к не скрывавшему своего разочарования командиру спецназовцев.

– Так надо, – прошептал Лунин удивленно взглянувшему на него майору.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Илья поспешил к крыльцу. Взбежав по ступенькам, он шумно выдохнул и обернулся. Отрывшийся ему вид на время заставил забыть о пронизывающем ледяном ветре, упорно пытающемся пробраться за воротник куртки. Заросшие густой тайгой холмы напоминали застывшие на мгновение волны. Зеленые, в сосновых лесах, постепенно удаляясь, они становились голубыми. Кое-где проглядывали белые пенистые шапки лысых сопков. А иногда, зачерпнув донную муть, волны становились темными, словно предвещая надвигающуюся бурю, – это чернели склоны, покрытые еще голыми лиственницами.

– Ты идешь? – окликнул его Изотов.

Рокси, которую красоты горного пейзажа, судя по всему, совершенно не впечатлили, нетерпеливо тявкнула, призывая хозяина последовать примеру других двуногих, уже скрывшихся в дверном проеме, обещавшем тепло и надежную защиту от порывов холодного ветра.

Только очутившись внутри, Лунин понял, как сильно он замерз. Казалось, что щеки натерли наждачной бумагой, так сильно они горели, а скопившиеся в уголках глаз слезинки, словно по команде, одновременно устремились вниз по щекам прямо к подбородку.

Быстрым шагом Илья пересек просторную гостиную, пытаясь догнать ушедших вперед Изотова и Зарецкого, которые уже начали подниматься по широкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Преодолев десяток ступеней и добравшись до лестничной площадки, разделявшей лестничные марши, Лунин невольно обратил внимание на висевшее на стене огромное деревянное панно. Гигантский корабль застыл в окружении вздымающихся к небу яростных волн. Вся палуба заполнена жмущимися друг к другу испуганными животными. Вот слоны вскинули хоботы в призывном крике, вот жираф жмет к мачте, которую обвиняет пытающаяся забраться на самую макушку змея, вот обезумевшая от ужаса семья зайцев запрыгнула на спину ничего не понимающему льву, вот десятки других животных замерли в первобытном страхе перед разбушевавшимся штормом. Единственным существом, сохранившим хладнокровие в этом царстве звериного страха, был человек. Высокий длинноволосый мужчина стоял на возвышении, которое Лунин, совершенно не разбирающийся в конструкции каких-либо плавсредств, счел капитанским мостиком. Несмотря на безумствующую вокруг стихию, лицо мужчины буквально лучилось спокойствием и умиротворением, а руки, вместо того чтобы сжимать предоставленный самому себе штурвал, были раскинуты в стороны, напоминая одновременно и о возвышающейся на Рио статуе Христа, и о молодой Кейт Уинслет.

Оценив масштаб работы, проделанной неизвестным автором, Илья вновь начал торопливо подниматься по ступеням.

В номере Зарецкого гулял ветер. Захлопнув круглое, напоминающее формой и размером корабельный иллюминатор окно, Олег Владиславович смущенно пояснил:

– Проветрить надо было. А то тут со мной за три часа чего только не приключилось. К вашему появлению едва переодеться успел.

– И что же именно с вами было? – осведомился, разглядывая стоящее посреди комнаты кресло, Изотов.

Увидев появившееся на лице адвоката безгловое изумление, полковник конкретизировал:

– Физиологические подробности можно пропустить. Только факты. Подробно. С того момента, как на вас напали, и до того, как вы из всего этого выбрались. Между прочим, я так и не понял, как вы выбрались.

– Что произошло, – вздохнул Зарецкий, – если бы я сам понимал, что здесь произошло. Я уже сказал вам, что когда утром проснулся, то сидел вот в этом самом кресле и мог разве что головой по сторонам крутить. Всего спеленали. Представляете? А еще ведь с похмелья. Голова раскалывается, жажда жуткая. И так полуживой, а здесь такое творится. Только в себя пришел, оно буквально сразу и началось.

– Оно – это что?

– Голос. Женский голос. Только не настоящий, не живой.

Застывший в дверях Лунин внимательно слушал разговор Изотова с адвокатом. Рокси, не понимая, где оказалась, тоже старалась ничем не выдавать свое присутствие.

– Здесь в каждой комнате установлены устройства конференц-связи. Видите, здесь сколько кнопок? Можно выбрать одну или несколько комнат, с которыми вы хотите поговорить, а если нажать эту кнопку, то вас будут слышать во всех номерах. Кто именно со мной разговаривал, я сказать не могу. Из кресла увидеть, какой индикатор светится, физически невозможно, ну а про голос я вам уже все объяснил.

– А у вас кнопка общего вызова была уже нажата, я правильно понимаю? – уточнил полковник.

– Да, именно так, – закивал Зарецкий. – Так что меня могли слышать все без исключения.

– А если бы кто-то не захотел? – вступил наконец в разговор Лунин.

– Что не захотел? – растерялся Олег Владиславович.

– Вас слушать. Мог кто-то отключить переговорное устройство полностью?

– Ну конечно, – подтвердил адвокат. – Только зачем? Думаете, кому-то было не интересно?

Не найдя что ответить, Илья пожал плечами.

– Не мешай, – раздраженно обернулся к нему Изотов, – скоро уже народ к вертолету потянется. Продолжайте, Олег Владиславович. Что было дальше?

– А дальше этот голос потребовал от меня рассказать правду обо всех, скажем так, неудобных эпизодах моей биографии.

– И что, вы вот так взяли и начали рассказывать? Вы не допускали возможности, что вас кто-то разыгрывает?

– Знаете, когда на груди у тебя прикреплен таймер, от которого тянутся провода куда-то под кресло, и тебе говорят, что там бомба, можно поверить во что угодно. А в тот момент, когда таймер оживает и начинает отсчитывать время, ни о каком розыгрыше уже не думаешь. К тому же я слышал голоса.

– Голоса? – нахмурился Изотов. – Чьи на этот раз? Тоже нечеловеческие?

– Нет, в этот раз именно человеческие. – Зарецкий возбужденно постучал указательным пальцем по переговорному устройству. – Я слышал, как переговариваются все остальные. Они все были заперты в своих номерах, все до единого!

– Вы уверены, что все? – вновь вмешался в разговор Лунин.

– Э-э-э... – смутился адвокат, – конечно, не уверен. Знаете, в той ситуации мне было не до подсчетов. Но голосов было много, все были либо разозленные, либо испуганные. Я понял, что на помощь никто прийти мне не сможет. И тогда я начал рассказывать.

– Я так понимаю, рассказывали вы не только о себе? – уточнил Изотов.

– Верно. По роду профессии я был посвящен в некоторые, порой достаточно конфиденциальные, обстоятельства.

– Которые сегодня таковыми быть перестали, – усмехнулся полковник. – О ваших откровениях мы с вами поговорим чуть позже. Сейчас объясните мне, как вы, собственно говоря, из этой ситуации выкрутились. Взрывного устройства, как я понял, никакого не было. Но как вы освободились?

– Это самое ужасное из того, что сегодня было, – вздохнул Зарецкий. – Ведь мне же пообещали, что как только я все расскажу, таймер отключится. И я ведь рассказывал. Все что знал! Во всех подробностях. Вы представляете, что такое сидеть три часа связанным и говорить без умолку?

Изотов хотел было что-то ответить, но Зарецкий предупреждающе вскинул руку.

– Это риторический вопрос. Это невозможно представить, пока сам не окажешься в такой ситуации. И вот, когда я заканчиваю говорить, таймер показывает, что прошло уже сто семьдесят семь минут из тех ста восьмидесяти, что были мне отведены изначально. Я прошу, я умоляю выключить эту адскую машину. Сперва мне просто никто не отвечает, а потом.

Зарецкий вдруг всхлипнул и начал судорожно шарить руками по карманам, пока не вытащил из одного из них носовой платок.

– Я не знаю, как я не сошел с ума в это время. Сидеть и слышать, как тебе говорят, что таймер не отключается, потому что какие-то проблемы с передатчиком. Мол, извините, Олег Владиславович, накладка вышла. Но ничего, без вас мир, возможно, станет чуточку лучше. Я сижу, смотрю в зеркало и жду, когда там появится это число. Сто восемьдесят. Это ужасное ощущение, что все кончено, что ты абсолютно беспомощен и ни на что повлиять не можешь. А самое глупое, ты не знаешь, чего хочешь больше – чтобы эти оставшиеся тебе секунды тянулись как можно дольше, потому что не хочется расставаться с жизнью, или же пусть они пролетят как можно быстрее, потому что терпеть все это сил больше не осталось.

Всхлипнув, Олег Владиславович неожиданно отвернулся и замер, прижавшись лбом к оконному стеклу. Изотов нетерпеливо поджал губы, но все же не решился поторапливать окончательно утратившего над собой контроль адвоката.

– А потом время вышло, – прорыдал, не оборачиваясь, Зарецкий. – На таймере появилось это число. Сто восемьдесят. И тогда я закрыл глаза и закричал. Мне почему-то показалось, что, когда кричишь, умирать не так страшно. Вы же, наверное, видели в кино, когда солдаты идут в атаку, они всегда «Ура!» кричат. Так и я.

– Тоже «Ура!» кричали? – уточнил Илья и тут же сам устыдился всей неуместности заданного вопроса.

Обернувшись, адвокат несколько мгновений разглядывал прижимающего к груди болонку Лунина.

– Не помню, кажется, да, – неожиданно серьезно ответил Зарецкий. – Я же думал, все, конец. А тут вдруг дверь распаивается, и кто-то вбегает. Сразу несколько человек один за другим. А я даже лиц не могу различить, потому как глаза все в слезах. Одни только силуэты вижу. Тут я совсем размяк, можно сказать, отключился на несколько минут. Так что даже и не

помню, как от меня скотч отдирали. Потом уже кто-то в меня вискаря прямо из горла влил, тогда вроде немного полегче стало. Поверил, что жив остался.

– А взрывного устройства там, значит, никакого не было? – Изотов кивнул на стоящее посреди комнаты кресло.

– Не было, – замотал головой Зарецкий, – ничего там вообще не было. Провода под сиденье уходили и там снизу были тоже на скотч приклеены.

– Интересно получается.

Присев на корточки, Изотов осторожно заглянул под кресло. Убедившись, что там действительно ничего нет, он с некоторым разочарованием цокнул языком.

– Взрывного устройства нет, жертв нет. Разрушений, слава богу, тоже. И что нам теперь с вами делать, Олег Владиславович? – все еще сидя на корточках, любопытствовал полковник. – Заявление писать будем?

– Писать? – На лице Зарецкого появилось испуганное выражение. – Ни в коем случае! Знаете, я сегодня уже столько наговорил, а если еще и писать начну, мне кажется, это уже перебор будет.

– Ну что же, – Изотов наконец медленно выпрямился, – как вам будет угодно. В таком случае, господин Зарецкий, у вас есть пять минут на сборы. Попрошу не затягивать, вертолету пора возвращаться на базу.

– Я сейчас, – суетливо закивал Олег Владиславович, – я быстро. Вы, главное, без меня не улетайте! А я быстро соберусь. Очень быстро. Хорошо?

Он заискивающе смотрел в глаза стоящего ближе к нему Изотова. Ничего не ответив, полковник лишь мрачно покачал головой и вышел из комнаты. Лунину ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Несколько минут спустя первые собравшиеся стали выходить из номеров и спускаться вниз в просторную, на пол-этажа, гостиную. Лунин с Изотовым, расположившись в двух огромных, покрытых козьими шкурами креслах, молча разглядывали присутствующих. Притаившаяся на руках у хозяина Рокси тоже внимательно поводила из стороны в сторону маленькими черными бусинками глаз. Последним в гостиной появился Зарецкий. Адвокат медленно спустился по лестнице, неся в одной руке туго набитую дорожную сумку, а в другой пластиковый, поблескивающий гляncем красный чемодан. Было видно, что измученному за утро Зарецкому такая нагрузка дается нелегко. Илье показалось, что он заметил злорадные усмешки, промелькнувшие на лицах некоторых из собравшихся.

– Все на месте? – поднялся с места Изотов. – А этот здесь, как его.

– Грачик, ара, – послышалось из противоположного угла комнаты, – я Грачик.

– И даже сам Грачик, – удовлетворенно усмехнулся полковник. – Тогда, граждане, прошу всех на выход, к вертолету.

К радости Лунина, за прошедшую четверть часа погода успела немного перемениться к лучшему. Порывистый ветер стих, а солнце, изо всех сил карабкающееся вверх по видимому только одному ему небесному холму, изо всех сил пыталось продемонстрировать свою способность на что-то большее, чем освещать усыпанные снегом горные склоны.

– Пригревает, – благодушно промурлыкал Изотов и, куда-то спрятав уже ставшую привычной недоброжелательность, подмигнул Илье: – Ну что, пойдем потряхнем буржуев?

– Может, я лучше здесь, со стороны посмотрю?

Увидев, что улыбка тут же пропала с лица полковника, Лунин уточнил:

– Со стороны всегда хорошо видно.

– Ну посмотри, посмотри, – скептически нахмурившись, пробормотал Изотов, – вдруг чего интересного углядишь. О, а ты почему еще здесь?

Обернувшись, он уставился на только что вышедшего на крыльцо Грачика.

– Так ведь везде пройти надо было, свет выключить, проверить, что окна закрыты, что вода из крана не течет, – начал объяснять Корхмазян.

– Ну что, проверил, ничего у тебя не течет? – нетерпеливо перебил его полковник. – Давай в темпе вниз, тебя остальные заждались. Никак домой улететь не могут.

– Сейчас, запру только. – Грачик извлек массивную связку ключей из кармана мешковато висевшей у него на плечах телогрейки.

– Не надо ничего запирать. – Изотов попытался выхватить ключи у Корхмазяна, но тот успел отдернуть руку и спрятать ее за спину.

– Так, родной, – Изотов выставил перед собой растопыренную пятерню, – ключи мне отдай. Ты что же, думаешь, мы так просто отсюда улетим? Здесь преступление произошло. Понимаешь? Человека убить хотели!

– Так ведь не убили же, – пожал плечами Грачик, все еще держа руку за спиной.

– А это уже не важно. – Полковник шагнул вперед, сокращая расстояние с неговорчивым армянином. – В любом случае вы улетите, а мы останемся для проведения следственных действий. Так что давай ключи и хромай вниз. Или позвать кого надо, чтоб помогли спуститься? Смотри, у меня там целая толпа тимуровцев. – Изотов кивнул в сторону стоящей у крыльца группы спецназовцев. – Они спят и видят, чтобы кому доброе дело сделать.

– Памусян узнает, – Грачик протянул ключи нависшему над ним следователю, – будет недоволен.

– Я как-нибудь переживу, – фыркнул Изотов.

– Как знать, – с сомнением покачал головой Грачик, все же протягивая ключи полковнику.

Ухватившись рукой за перила, он начал медленно спускаться по лестнице. Дождавшись, когда управляющий спустится вниз, Изотов вновь презрительно фыркнул:

– Пугать он меня будет Памусяном своим. Сейчас скажу бойцам, чтоб досмотрели его как следует, с пристрастием. Вдруг он что-нибудь припрятал в укромных местах своего организма. Микроорганизма!

Довольный собственным остроумием, Изотов легко сбежал вниз по ступеням. Еще через мгновение послышался его зычный голос:

– Граждане! В связи с необходимостью проведения следственных действий, прошу вас всех незамедлительно выдать мне все имеющиеся у вас средства связи, записывающие устройства и носители информации. Обещаю, что ваше имущество вам будет вскоре возвращено.

В одно мгновение, повинуясь едва заметному кивку своего командира, спецназовцы окружили стоящих на утоптанной снежной площадке людей.

– Я что-то не понял, чего вам выдать? – Краснолицый здоровяк вновь выдвинулся вперед из общей массы, но тут же получил болезненный тычок в живот стволом автомата.

– А что непонятного? – Командир группы захвата одобрительно похлопал по плечу показавшего умение обращаться с оружием бойца. – Телефоны, диктофоны. Чего там еще у вас есть? Все достаем и складываем в контейнер.

Он ткнул пальцем в сторону стоящей на снегу самой обыкновенной картонной коробки, на которую до сих пор никто не обращал внимания.

– Все, что пишет информацию, все, на чем можно ее хранить, – продолжил майор, – флешки, жесткие диски, карты памяти. Если у кого-то есть дискеты, кассеты или грампластинки, тоже сдаем. У всех минута на добровольную выдачу. Затем изъятие будет осуществляться принудительно. Время пошло!

От застывшей в напряженном молчании толпы отделилась невысокая светловолосая фигурка в яркокрасном пуховике. Выставив вперед правую руку, блондинка протянула что-то Изотову.

– Возьмите, это телефон, – Илья изо всех сил напрягал слух, пытаясь разобрать, что произносит девушка, – в нем запись.

– Какая запись, милая моя? – с добродушной снисходительностью осведомился полковник. – Твои девичьи тайны? Не бойся, мама о них не узнает!

– Лилька, ты куда лезешь? – вновь дернулся было с места толстяк, но замер, заметив, как уже знакомый автоматчик сделал широкий шаг ему навстречу.

– Здесь запись, – на удивление ровным, безэмоциональным голосом повторила девушка. – Запись того, что говорил дядя Олег. Вы ведь из-за него прилетели?

– Ах вот как! – снисходительность моментально исчезла из голоса Изотова. Выхватив из руки девушки телефон, полковник стремительно спрятал его в карман.

– Код блокировки я уже удалила, – сообщила ему блондинка и, очевидно решив, что говорить больше не о чем, повернулась к Изотову спиной и шагнула обратно в толпу.

– Погоди-ка, красавица. – Полковник машинально сделал шаг вслед за ней. – Скажи мне, золотце, ты запись зачем делала?

– Это же очевидно. – Девушка вновь обернулась, теперь Илья смог лучше разглядеть ее лицо, на удивление спокойное и при этом совсем юное, почти детское. – Если человека просят рассказать всю правду о том, что никто не знает, значит, эта правда кому-то может быть очень важна. Правильно?

– Правильно, – согласился полковник.

– Сейчас она важна вам, – продолжила девушка, – а я ее записала. Значит, я все правильно сделала?

– Логично, – пробормотал стоящий на крыльце Лунин.

– Логично, – растерянно нахмурился полковник. – Ладно, выражаю вам, так сказать, благодарность за помощь следствию! Остальных граждан прошу брать пример с молодого поколения. Давайте, в темпе выкладываем, у кого что имеется.

Две минуты спустя в коробке лежали почти два десятка смартфонов разных наименований, несколько флешек и два цифровых диктофона, один из которых принадлежал самому Зарецкому, а другой его помощнице.

– Ну что же, – Изотов подхватил коробку и сунул ее под мышку, – от лица следственных органов благодарю вас за сотрудничество. К сожалению, есть основания предполагать, что кто-то из здесь присутствующих, – он обвел взглядом настороженно притихшую толпу, – мог утаить предметы, подлежащие выдаче. А посему переходим ко второй стадии нашего сотрудничества. Сейчас вы все поочередно будете заходить в вертолет, где состоится процедура досмотра. – Самодовольно улынувшись, Изотов шелкнул пальцами и конкретизировал: – Досматривать будем как имеющийся при вас багаж, так и вас самих.

– Что значит – самих? – возмутилась одна из молчавших до этого женщин. – Вы что, нас обыскивать собрались?

– Досматривать, – уверенно возразил Изотов. – Досматривать, причем исключительно с вашего согласия. Ну а с теми, кто такого согласия не выразит, мы поступим следующим образом: на данных особо неосознательных граждан будет составлен протокол о невыполнении законных требований представителя органов власти, после чего эти неосознательные будут задержаны, сами понимаете, с применением специальных средств, а затем обысканы, как это и полагается делать с задержанными. Всем все ясно? Тогда прошу на борт! Обещаю первому особо деликатное обращение.

– Олег Вячеславович, что вы молчите? – возмутилась все та же женщина. – Хоть что-то вы сказать можете? Вы же, в конце концов, адвокат!

– В тайге адвокатов не бывает, – хрипло отозвался Зарецкий. – Здесь либо волки, либо охотники.

– И неизвестно, кто страшнее, – усмехнулся краснолицый и вновь сделал шаг вперед. – Пошли, начальник. Я первый.

Процедура «добровольного досмотра» заняла достаточно долгое время и осложнялась тем обстоятельством, что среди прибывших на горную базу отдыха представителей власти не было ни одной женщины, в результате чего обыскать как следует отдохавших в «Ковчеге» представительниц прекрасного пола было фактически невозможно. Во всяком случае, не прибегая к откровенному насилию, чего Изотов все же решил избежать.

Как это ни странно, простейший вопрос, который сразу должен был прийти в голову всем подвергавшимся унижительной процедуре, был задан лишь полчаса спустя. Озвучила его помощница адвоката Алла Михальчук, которую грубо подтолкнул к вертолету один из спецназовцев.

– Я не понимаю, если нам все равно улетать, то почему нельзя провести этот ваш досмотр по прибытии? В конце концов, в аэропорту есть для этого условия. У вас же есть женщины-сотрудники?

– Восьмое марта сегодня, все дамы на отдыхе, – отозвался высунувшийся ей навстречу майор. – Так что поздравляю с праздничком всех, имеющих отношение. А вы, девушка, не митингуйте. Сказали – здесь досматриваем, значит, досматриваем.

После того как сумки, чемоданы и карманы всех тринадцати человек были тщательнейшим образом исследованы, коллекция трофеев Изотова увеличилась еще на один смартфон, две флешки и такое же количество карт памяти. За это время Рокси успела прогуляться по ближайшим окрестностям, а у Лунина изрядно замерзли ноги.

– А теперь, внимание, очередное объявление, – довольный результатами проведенной «спецоперации», выскочил на трап вертолета Изотов. Оглядев стоящих перед вертолетом людей, он остановил взгляд на Михальчук. – Здесь кое-кто недавно возмущался, почему это мы не можем провести досмотр, не забываем, что добровольный досмотр, в другом месте и в других условиях. Так вот, удовлетворяю любопытство этого «кой-кого», ну и заодно всех остальных. Мы никуда не летим. Вернее, не так. Вы никуда не летите.

Вскинув руку, полковник пресек поднявшийся было возмущенный гул.

– Вы так орете, что с гор скоро лавины сойдут. Не надо так нервничать! С целью проведения следственных действий и уточнения всех обстоятельств произошедшего сегодня инцидента вам всем придется задержаться здесь на некоторое время. Вместе с вами придется задержаться и мне, а также, – Изотов небрежно махнул рукой в сторону крыльца, – еще одному следователю.

– На некоторое время – это вы что подразумеваете? – первым отреагировал стоявший немного в стороне ото всех Зарецкий.

– Понятия не имею, – одарил его улыбкой Изотов. – Могу сказать одно: ни я, ни мой коллега особого желания надолго задерживаться на этом курорте не имеем. Управимся за день – чудесно. Понадобится больше времени – уже не так хорошо. На ближайшие пару часов программа следующая: силами бойцов спецназа будет проведен тщательный досмотр всех помещений и прилегающей территории. Сразу предупреждаю – вся обнаруженная аудио-, видеоаппаратура будет изъята, то же самое касается оружия. Как только осмотр будет завершен, вы сможете вернуться в свои номера. Дам вам час на отдых, после чего все дружно собираемся на первом этаже в гостиной. Ясность полная? Тогда прошу всех запастись терпением.

– Я прошу прощения!

Все обернулись на донесшийся со стороны крыльца голос. Старательно растягивая замерзшие губы в улыбке, Лунин помахал рукой собравшимся.

– Я хотел бы обратить внимание еще на два момента. Первое – это то, что меня зовут Лунин Илья Олегович. Ближайшее время мне со всеми вами придется пообщаться, так что будет лучше, чтобы вы знали.

Илья вновь смущенно улыбнулся.

– А второе, это, наверное, касается в большей степени господина Корхмазяна: надо решить вопрос с нашим расселением. Здесь ведь остались свободные номера?

Глава 5, в которой Лунин начинает вести расследование, а Юрка решает начать новую жизнь

Два часа спустя гостиная вновь постепенно начала заполняться людьми. Спустившиеся раньше других Лунин с Изотовым успели занять уже полюбившиеся им кресла у камина и подвели итоги проведенного обыска. Итогов было немного. Поскольку никаких диктофонов и прочих тайно установленных записывающих устройств обнаружено не было, приняли решение вывезти из гостиницы всю имеющуюся аппаратуру, включая телевизоры и обнаруженный на кухне музыкальный центр. Еще одним, незамедлительно изъятым уловом оказалась небольшая коллекция охотничьего оружия, на которую, впрочем, Грачик тут же предъявил разрешительные документы.

– Больше ничего нигде не припрятано? – с грозным прищуром осведомился Изотов, разглядывая пятизарядный «ремингтон». – Смотри, армян, ежели чего еще найдем, огребешь по полной программе.

– Вы, главное, с этим поаккуратнее, – печально вздохнул Грачик, – хорошее ведь оружие.

– Не бойсь, – Изотов панибратски хлопнул управляющего по плечу, – ничего с твоими берданками не случится.

Кроме всего прочего, были изъяты два телефона спутниковой связи. Один, исправный, Изотову передала Алла, второй, разбитый вдребезги, лежал на барной стойке в гостиной.

– Хороший был телефон, – вновь печально прокомментировал Корхмазян.

– А у тебя все хорошее, – ухмыльнулся в ответ полковник. – Вот ружья, ты молодец, в порядке хранишь. Что ж за телефоном не уследил? Дорогая ведь игрушка.

– Так ведь вчера вечером гости домой звонили, – управляющий огляделся по сторонам, словно ища поддержки у стоящих поблизости постояльцев, – почти все звонили. Как отказать? А над душой же стоять не будешь. Так он здесь до утра и остался.

– Только ночь не пережил, – хмыкнул Изотов, – хорошо еще, что про телефон Зарецкого никто не знал.

– Хорошо, – с сомнением в голосе отозвался Грачик, – так бы вас сейчас здесь не было.

– Вот именно, – полковник, почувствовавший некоторую двусмысленность фразы, нахмурился, – а вам без нас никак нельзя. Поверь мне!

Последним в списке изъятого, но отнюдь не последним по значению был шуруповерт, а точнее, совсем небольшая по размеру аккумуляторная отвертка. Как выяснилось из сбивчивых объяснений постояльцев, именно с помощью этой отвертки, а также нескольких металлических уголков неизвестный злоумышленник накрепко прикрутил дверь, ведущую в служебные помещения, а заодно и в комнаты, в которых жила чета Корхмазян.

– Я, когда открывал, думал, аккумулятора не хватит, – эмоционально объяснял, передавая отвертку следователям, Денис Сипягин, худощавый молодой человек со скуластым лицом и спадающей на лоб прядью белесых волос, – последние два шурупа еле выкрутил.

– Это значит, вы всех из номеров выпускали? – тут же насторожился Изотов. – А сами как вышли?

– Нет, выпускал не я, – молодой человек покачал головой, – мне самому родители дверь открыли. А уже когда мы всей толпой вниз спустились, тогда я первый шуруповерт и заметил. Дверь открыл, так Грачик мне чуть на шею не запрыгнул от радости. Потом обернулся и кричит во все горло Наталье Сергеевне, мол, можно выходить, дверь открыли. А она ему отвечает, сейчас кофе закончу делать и выйду. Мне даже смешно стало, такое творится, а она кофе варит.

Денис улыбнулся еще совсем детской улыбкой человека, действительно не понимающего, как можно варить кофе, находясь взаперти.

– Ясно, шуроповерт, значит, вы залапали, отпечатки пальцев там теперь искать смысла нет, – мрачно отозвался полковник. – Ну ничего, все равно поищем, авось, что и выплывет.

И вот теперь, когда два спутниковых телефона, десяток телевизоров, музыкальный центр и аккумуляторная отвертка в сопровождении группы специального назначения улетели за перевал, Лунин и Изотов, удобно расположившись в креслах, имели возможность наблюдать за тем, как постояльцы отеля будут спускаться вниз со второго этажа. Пробежавшись взглядом по уже составленному списку находящихся в здании людей, Илья с трудом передвинул массивное кресло поближе к полковнику:

– А кто такой Памусян?

– Ной.

Изотов махнул рукой куда-то в сторону лестницы. Повернув голову, Илья удивленно нахмурился. Кроме них, в комнате никого не было, а со второго этажа еще пока никто не спустился.

– Я не понял, – честно признался Лунин.

– Картину на стене видел, – Изотов вновь махнул в сторону лестничного марша, – где мужик руки растопырил? Вот это и есть Памусян. Памусян Ной Тигранович. Ты думаешь, с чего он гостиницу так назвал?

– С чего?

Илья с любопытством повернулся к полковнику. Изотов ответил ему полным недоверия взглядом.

– Ты это сейчас серьезно или придуриваешься? Ты что, про ковчег ни разу не слышал?

– Это где каждой твари по паре? – уточнил Лунин.

– Ну слава богу, – закатил глаза под потолок Изотов. – А кто ковчег построил, не помнишь?

Еще раз взглянув на висевшее над лестницей деревянное резное панно, Лунин предположил:

– Памусян?

– Какой Памусян? – Полковник судорожно дернулся в кресле и, выпучив глаза, уставился на Лунина. – Ной! Ной его звали. Ты Библию хоть раз в руки брал?

– Брал, но не пошло как-то, – вновь проявил честность Лунин, – я больше детективы читаю.

– Детективы он читает, – фыркнул, немного успокаиваясь, Изотов. – Памусян этот в свое время первый человек был в армянской диаспоре. У нас в области точно, а может, и по всей Сибири. Ушлый товарищ, в девяностые годы, когда приватизация шла, везде подсуежится успел. Где только не пролез в совладельцы. А потом, лет через двадцать, когда цены на все предприятия в разы подскочили, начал потихоньку от своих акций избавляться. В конце концов он почти все распродал. Уж не знаю, почему эта гостиница до сих пор нужна. Денег-то она никаких почти не приносит, больше хлопот. В свое время он ее для себя строил, говорят, любил здесь в одиночестве время проводить. На горы смотреть. Хотя и гости к нему сюда разные прилетали. Если не врут, то в десятом году даже премьер-министр тут у него ночевал.

– А кто у нас был в десятом премьер-министром? – Илья задумчиво потер переносицу. – Да неужели?

– Вот тебе и неужели, – усмехнулся Изотов. – Если честно, мне самому все это шеф рассказал, пока за тобой ехали. Но он обычно знает, что говорит.

– Это точно, – согласился Лунин. – А где сейчас этот Памусян, неизвестно? Его ведь, наверное, тоже придется допрашивать.

– Ох, Луний, наивный ты человек, – снисходительно отозвался полковник. – Есть такие люди, которых допросить хочется, но нет никакой возможности. Вот Памусян как раз один из них.

– Он что, умер? – Илья непонимающе уставился на полковника.

– Живой. Я думаю, как его врачи лелеют, он еще нас с тобой переживет, – усмехнулся Изотов. – Руки у тебя, Луний, коротки, чтобы Памусяна допрашивать. Уехал он. Далеко уехал.

– Это куда же? – на всякий случай спросил Луний, заранее понимая, что командировку в «далеко» руководство точно не утвердит.

– Куда может уехать пожилой, состоятельный, вернее, очень состоятельный армянин? – ехидно ухмыльнулся Изотов. – В Израиль, конечно. Так что максимум твоих возможностей, Луний, – это ему позвонить. По скайпу. Говорят, у тебя уже был опыт с заграничными свидетелями по видеосвязи общаться. Правда, слышал, не очень удачно все вышло.

– А вот и первые свидетели пожаловали, – уклонился от ответа Илья, которому воспоминания о видеоконференции годичной давности были не очень приятны.

– Подозреваемые, – тут же поправил его полковник, – они все пока подозреваемые.

По лестнице спускались трое. Мужчина лет шестидесяти и опирающаяся на его руку женщина, явно лет на пятнадцать моложе своего спутника. Прямо за ними следовал молодой человек, удивительно похожий на идущую перед ним женщину, только с чуть более грубыми чертами лица.

– Сипягины, – негромко прокомментировал Изотов.

Илья заглянул в список. Сипягин Артур Львович, шестьдесят два года, совладелец юридического бюро, деловой партнер Зарецкого. Его жена, Сипягина Антонина Владимировна, сорок восемь лет, совладелица строительной компании и тоже в паре с Зарецким. Денис Сипягин, их сын, двадцать восемь лет, работает заместителем директора в компании матери.

– А теперь Кожемякины, – так же тихо произнес полковник.

Кожемякиных было четверо. Первым шел глава семейства – тот самый краснолицый крепыш, получивший тычок в живот от одного из автоматчиков. Илья вновь опустил глаза в сделанные неразборчивым почерком Изотова записи. Станислав Андреевич, пятьдесят шесть лет. Совладелец строительной организации. На мгновение Илья задержал взгляд на названии компании, а потом вспомнил. Несколько гигантских баннеров именно с таким наименованием украшали выросшую совсем недавно высотку напротив его дома. Только там еще была надпись: «Квартиры от застройщика».

Отстав на несколько ступенек от своего супруга, по лестнице неторопливо спускалась Мария Александровна Кожемякина. По комплекции она немногим уступала своему мужу, но тяжеловесности в ее полноте не ощущалось. Она двигалась плавно, не касаясь руками перил и даже не глядя себе под ноги, так что со стороны могло показаться, будто она уже долгие годы изо дня в день ходит по этой лестнице, а не прилетела в гостиницу всего три дня назад.

Идущих вслед за Марией Александровной девушек Луний идентифицировать затруднился. Изотов молчал, а понять, кто именно из двух светловолосых красавиц является шестнадцатилетней Лилией, а кто восемнадцатилетней Викторией, Илья сам так и не смог. На его взгляд, обе девушки выглядели ровесницами. Вот только одна шла, напряженно уставившись себе под ноги, а другая без всякого стеснения разглядывала сидящих в углу гостиной следователей.

Сипягины заняли три стула возле просторного обеденного стола, причем если супруги сели рядом друг с другом, то их сын предпочел выбрать один из стульев на противоположной стороне.

Важно выпятив живот, Станислав Андреевич прошествовал мимо обтянутого темной кожей дивана и плюхнулся в стоящее рядом кресло. Жена и обе дочери поспешили занять диван.

Несколько минут все собравшиеся в гостиной сидели молча, с демонстративно равнодушными лицами, не забывая при этом обмениваться изучающими взглядами, быстро перебегающими с одного человек на другого. Лишь одна из дочерей Кожемякина не обращала на присутствующих никакого внимания. Зажав ладони между коленями, она сидела, неподвижно глядя куда-то перед собой.

– Ну наконец-то, соизволили, – раздраженно пробормотал Изотов, – Латынины.

Заглядывать в список необходимости уже не было. За это время Илья успел его выучить фактически наизусть. Латынин Михаил Леонидович, сорок четыре года, партнер Кожемякина по строительному бизнесу. Как много строителей в одном месте, успел подумать Лунин, прежде чем другая мысль вытеснила все остальные из его сознания. Вернее, это была не одна мысль, а целый туго сплетенный между собой клубок, мечущийся из стороны в сторону. Так, будто им играет не на шутку разошедшийся невидимый котенок. «До чего же она хороша! Чертовски хороша! Ей ведь всего двадцать пять. Это что же, у них разница девятнадцать лет? Ничего себе».

Лунину вдруг показалось, что внимание всех присутствующих обращено именно на него, более того, все находящиеся в огромном зале имеют возможность видеть, что происходит в его голове, понимать весь творящийся в ней хаос. Уткнувшись лицом в список обитателей «Ковчега», Илья машинально нашел нужную строчку. Латынина Татьяна Николаевна. Да, двадцать пять. Не работает.

– А вот и наш терпила. – Голос Изотова вывел Илью из состояния ступора. – Вроде ничего, взбодрился.

И действительно, Зарецкий довольно быстро спустился на первый этаж. На последней ступени он на мгновение задержался, очевидно выбирая место, где ему будет комфортнее расположиться, после чего направился к обеденному столу, вокруг которого оставалось еще много свободных стульев. К этому времени Латынины успели занять еще один из стоящих в гостиной диванов. Илья заметил, как Татьяна Николаевна положила руку на колено мужу, а тот в ответ накрыл ее своею ладонью.

Последней из постояльцев отеля в гостиную спустилась Алла Михальчук. Одета в спортивный костюм и кроссовки, помощница Зарецкого стремительно сбежала по лестнице и, смущенно пробормотав «извините, задержалась», быстро заняла стул рядом со своим шефом.

– Так, а где ара? – нахмурился Изотов. – Теперь его ждать будем?

– Я Грачик, – донеслось из противоположного, слабо освещенного конца огромного зала.

– Здесь, значит, – проигнорировал замечание полковник. – Один или со всем семейством?

– Не очень большая семья, – сдержанно отозвался Корхмазян, – легко собрать.

Сделав два неровных шага вперед, он вышел на более освещенное пространство, и Лунин заметил жмущуюся к хрому женщину. Корхмазян Наталья Сергеевна, сорок два года. Местная, родилась в Среднегорске. Илья удивленно хмыкнул. Это что же получается, она тоже на двадцать лет младше своего мужа? В списке же точно указано: Корхмазян Грачья Арамович, шестьдесят два года, уроженец Спитака, с 2010 года имеет российское гражданство. Точно, двадцать лет разницы. Почти как у Латыниных. Даже больше. Интересно, чем Грачик мог эту Наталью Сергеевну так пленить? А Латынин, чем он пленил молодую красотку, это разве не интересно? Илья незаметно вздохнул. Почему-то в случае Латыниных ответ ему казался очевидным, и эта очевидность была неприятна. Вернее, он ее стыдился. Лунину вдруг стало стыдно оттого, что он, видя этих людей впервые в жизни, примерил к ним самый распространенный из всех имеющихся стереотипов. Деньги. Конечно же, деньги. Что еще могло свести вместе двадцатилетнюю девушку и мужчину, который почти вдвое ее старше? Да, надо признать, что Латынин неплохо выглядит, даже очень неплохо. И проблем с лишним весом он явно не испытывает. И все же... Илья вспомнил себя в двадцатилетнем возрасте, тогда все,

кому было около сорока, а уж тем более за сорок, казались людьми предпенсионного возраста, с которыми если что-то и можно обсудить, то исключительно прогноз погоды на следующий день. Почему-то эти люди, сорокалетние, всегда точно знали, какая завтра будет погода. Причем, как тогда заметил Лунин, с возрастом точность их прогнозов постоянно увеличивалась, достигая абсолютного максимума к моменту выхода на пенсию и дальше уже не снижалась.

– Ну хорошо, – поднявшийся с кресла Изотов прервал размышления Ильи о причинах возникновения неравных браков, – раз все в сборе, начнем. Хочу, чтобы вы все сразу же уяснили для себя следующее обстоятельство. Хотя с господином Зарецким в конечном итоге ничего страшного не произошло, это не значит, что преступления не было. Что мы сейчас имеем?

Полковник обвел взглядом присутствующих, но никто из них не изъявил желания что-либо ответить.

– Имеем мы следующее. – Изотов выставил перед собой растопыренную пятерню. – Незаконное лишение свободы, это раз! Угроза убийства, это два! И третье, самое главное!

Рука полковника с двумя зажатыми пальцами дернулась из стороны в сторону, подчеркивая значимость готового к оглашению третьего пункта.

– Статья двести пятая уголовного кодекса, – наконец громогласно оповестил Изотов.

– Чушь какая, – испортил торжественность момента Зарецкий. – Где вы здесь нашли терроризм? Заведомо ложное сообщение о взрывном устройстве? Тогда это двести седьмая статья. Там срок до пяти лет, не так уж и много.

– Много это или мало, будет для себя решать тот, кто этот срок получит, – неприязненно отозвался Изотов, – а следствие, господин Зарецкий, само разберется, как квалифицировать сегодняшние деяния. Как заведомо ложное сообщение или же как террористический акт, не доведенный до конца по не зависимым от преступника обстоятельствам.

– Каким обстоятельствам? – не пожелал прекратить дискуссию адвокат. – Никакого взрывного устройства в принципе не было.

– А вы можете быть уверены, что тот человек, который выдвигал свои требования, знал, что под вашим креслом взрывчатки не окажется? – озадачил Зарецкого своим вопросом Изотов.

Лунин уважительно взглянул на полковника. Такой вариант развития событий сам он не рассматривал.

– Ах вот как? – Зарецкий восторженно причмокнул губами. – Bravo! Вы меня удивили. Должен признать, ваша версия, хотя и выглядит несколько фантастично, все же заслуживает право на существование.

– Буду рассматривать это как согласие сотрудничать со следствием, – кивнул в ответ Изотов. – Сейчас, Олег Владиславович, мы поднимемся с вами наверх, и вы мне более подробно расскажете обо всем, что случилось за последнее время.

На этот раз Зарецкий не стал спорить. Молча вскочив на ноги, он направился в сторону лестницы.

– Тем временем Илья Олегович, – Изотов величественно простер ладонь в сторону сидящего в кресле Лунина, – начнет работать с остальными. Надеюсь, все здесь понимают, что опрашивать вас он будет по очереди, так что процесс может затянуться на длительное время?

Задав вопрос, полковник отчего-то оглянулся и со значением посмотрел на Илью, словно выражая сомнение в том, что сам Лунин как следует осознает все то, что должны понять остальные.

– Думаю, после того, как я закончу с господином Зарецким, я присоединюсь к Илье Олеговичу, и тогда дело пойдет быстрее, – утешил Изотов собравшихся.

Проводив взглядом поднимающихся по лестнице полковника и Зарецкого, Илья выбрался из кресла и выпрямился во весь рост.

– Чтобы несколько облегчить ваше ожидание, я озвучу последовательность, в которой буду приглашать вас к себе. – Илья оглядел собравшихся в гостиной людей. – Сперва я побеседую с Сипягиными. Не со всеми сразу, поочередно, можете сами определиться, кто за кем будет. Затем очередь Кожемякиных, потом Латыниных. Следом за ними идут Корхмазян, ну и напоследок Михальчук.

– А вот можно полюбопытствовать, почему именно такая последовательность? – шумно заерзал в кресле Кожемякин. – Это вы для себя какую-то табель о рангах выстроили?

– Нет, – покачал головой Илья, – я лишь фиксировал, в какой последовательности вы появлялись в гостиной. Надеюсь, ничего не перепутал. Нет? В таком случае не будем терять время и начнем работать. Да, если кто-то еще не в курсе, номер моей комнаты шестнадцатый. Напротив, в пятнадцатом, расположился полковник Изотов. Возможно, эта информация тоже будет для вас полезной.

Следующие несколько часов слились для Лунина в один бесконечный хоровод вопросов и ответов. Вопросы раз за разом повторялись, менялись лишь сидящие напротив Ильи и отвечающие на эти вопросы люди. Ответы их, хоть и отличались некоторым разнообразием, полезной информации давали немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.